18+

Иван Державин

Кто я?

Туда я успею

Иван Державин

Кто я? Туда я успею

«Издательские решения»

Державин И.

Кто я? Туда я успею / И. Державин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748545-0

Повесть «Кто я?» — вторая книга хроники постсоветских времен «В круге втором» и продолжение «Любовь распята».Он очнулся в лесу, не помня себя. Узнав от лесничего, к домику которого он вышел, что его великого и могучего СССР больше нет, он не хотел дальше жить. Лесник убедил его, что умереть он всегда успеет, а прежде он должен найти своих родных и сделать все возможное для возрождения России. И, разумеется, он обязан рассчитаться по-мужски с теми, кто так искусно вырезал у него память. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-748545-0

© Державин И.
© Издательские решения

Содержание

Кто я? 6
Глава первая. Уйти туда ты всегда успеешь 7
Глава вторая. Двойник 51
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Кто я?
Туда я успею
Иван Державин

© Иван Державин, 2016

ISBN 978-5-4474-8545-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кто я?
Повесть

Книга вторая хроники постсоветских времен «В круге втором»

Россия-Сука, ты за все ответишь
А. Синявский

Эта страна должна испить всю
горькую чашу до самого дна дна
Е. Ясин

Глава первая. Уйти туда ты всегда успеешь В Лесках, наконец, спокойно.

В течение пяти последних лет я регулярно писала о разгуле бандитизма и рэкета в Лесках, справиться с которыми, казалось, не представлялось возможным.

Для тех, кто подзабыл или не читал мои статьи, напомню, что Лески – небольшой город, затерянный в лесной глуши центра европейской части России. Окружавшие его дремучие леса издавна славились редкими породами деревьев, аналогов которым нет на земле. Чрезвычайно разнообразен также животный мир обитателей леса, вплоть до экзотических, встречавшихся в сибирской тайге, лесах Амазонки и даже африканских джунглях. Этот феномен ученые объясняют особенностью местного рельефа в виде огромной чаши с озером Живое посередине, питавшимся водами многочисленных рек, источником которых являются подземные теплые ключи. Из-за постоянного наличия в воздухе паров, климат напоминает субтропический. К тому же в ключевой воде находится большое количество полезных для растительности и животных компонентов. Для человека тоже. Чтобы дышать целебным воздухом, люди с давних пор селились вдоль рек, сбиваясь в маленькие деревушки-хутора в местах, свободных от зарослей, бороться с которыми в то время им было не под силу. Таких деревень в Лесковском районе насчитывается около полусотни. Указом Петра I-го весь этот лесной массив в радиусе ста километров от озера был объявлен заповедной зоной, и практически все местные жители состояли на государевой службе по охране от браконьеров богатств леса и воды. В годы советской власти население деревень многократно возросло, и, чтобы прокормить и обеспечить его работой, деревни были объединены в колхозы по разведению скота, птицы и пушных зверей, а также по выращиванию зерновых культур, не требующих больших посевных площадей. А в двадцати километрах от озера был построен станкозавод с рабочим поселком, ставшим впоследствии районным центром – городом Лески. После войны в противоположной от завода стороне появился закрытый военный городок с ракетной частью, вследствие чего весь район стал полузакрытой зоной. Это положительно сказалось на его снабжении и уровне жизни. В районе практически не было преступлений, и он считался самым процветавшим в области.

После распада СССР с последовавшими за этим разграблением завода, расформированием ракетной части и развалом колхозов власть в Лесках полностью перешла к бандитским группировкам. Началось хищническое уничтожение ценных пород зверей, деревьев и рыбы. Самый страшный вывод, к которому я приходила в своих статьях, состоял в том, что местное руководство было бессильно прекратить эту вакханалию. Правоохранительные органы, уступавшие бандитам в несколько раз по численности и оснащенности вооружением и машинами, были бессильны им противостоять. Потеряв всякую надежду, я перестала ездить в Лески, но беспокойство о судьбе этого уникального места меня не оставляло, и, не выдержав, я вновь отправилась туда. К моей большой радости, я обнаружила, что обстановка в Лесках за два года, что я там не была, кардинально изменилась в лучшую сторону.

Так что же произошло в Лесках?

Когда ситуация здесь совсем вышла из-под контроля, мэрия и правоохранительные органы, скорее от отчаяния, пошли на создание охранного бюро «Щит и меч», наделив его особыми полномочиями и обязав директоров фирм заключать с ним соглашения о защите от бандитов, разумеется, за определенную плату. Был подобран руководитель бюро, решительный и смелый Артур Стрыкин. За короткий период в жестокой борьбе бюро разгромило практически все бандитские группировки, орудовавшие в городе и окрестности.

Не слишком веря хвалебным дифирамбам, которые пели отцы города охранному бюро и его руководителю, я переговорила с рядом директоров фирм и предприятий, работавших с бюро. Все они в один голос утверждали, что впервые за последние годы спят спокойно, не опа-

саясь за свою жизнь и бизнес. Я поинтересовалась, во что им обходятся услуги бюро. Они сказали, что платят не мало, но намного ниже дани, которую отваливали за бандитскую «крышу», нередко оказывавшуюся худой.

Встретилась я и с самим Стрыкиным. Он произвел на меня впечатление умного и порядочного человека. Его заслугой я посчитала не только избавление Лесков от бандитов, но и – и это не менее важно, – обеспечение хорошо оплачиваемой работой нескольких сот человек, которые в условиях безработицы сами могли пополнить бандитские ряды.

В настоящее время под защитой бюро находятся около девяноста процентов всех предприятий и фирм Лесковского района. Недобитые остатки банд внимательно отслеживают клиентуру бюро, ни в коем случае ее не трогая, и совершают налеты лишь на фирмы, которые по тем или иным причинам проигнорировали предложение бюро о сотрудничестве. Это им обходится дорого. Так, неделю назад из снайперской винтовки был убит директор станкозавода, а чуть раньше директор молокозавода едва не потерял похищенную бандитами дочь. Ее спасло то, что отец вовремя обратился за помощью к бюро «Щит и меч». В разговоре со мной Стрыкин сказал, что мечтает о том времени, когда жители Лесков навсегда забудут о понятиях «бандитизм и рэкет».

Но и то, что им уже сделано в Лесках, является примером подражания для остальных городов России.

Нина Кузина
«Криминал»,
10 августа 1999г.

***

Он пришел в себя, словно вынырнул из воды. Открыв глаза, он ничего не увидел и не услышал. Разница между состояниями до и после была в том, что теперь он чувствовал себя и мог управлять собой. Поняв, что моргает, он специально несколько раз открыл и закрыл глаза и смахнул с лица какую-то живность. Он опустил руку ниже и коснулся травы на мягкой прохладной земле.

Поднимаясь, он почувствовал головокружение и боль в пояснице. Так и не встав, он сел и ощупал спину. Боль отозвалась в ребрах и окончательно вывела его из предыдущего бесчувственного состояния.

По шелесту листьев наверху он догадался, что находится в ночном лесу. Что это за лес и как он в нем оказался, он не имел представления.

Но самым страшным было то, что он не знал, кто он.

Он даже не знал, как его зовут.

Рука его автоматически достала из кармана пачку сигарет и зажигалку. Огонь осветил деревья. Затяжки дыма, взбодрив, вывели его из оцепенения и подтолкнули к действию.

Держась за дерево, он поднялся. Но, сделав шаг, остановился. Куда идти? И где он?

Он опять зажег зажигалку и осмотрелся. Вокруг была сплошная стена деревьев. Погасив огонь, он прислушался. Тишина была мертвая, не считая мягкого шелеста листьев.

Он прислонился к дереву и, докурив, проверил карманы. Их было три: по бокам и сзади брюк. Они были пусты, за исключением сигарет и зажигалки. И на этом спасибо, подумал он, а вслух проговорил:

– Нда, ситуация.

Тут до него дошло, что он говорит, и это обрадовало его.

Дождусь рассвета, встречу кого-нибудь и узнаю, где я нахожусь, решил он. Только не паниковать.

Рассвет ему был нужен еще и для того, чтобы осмотреть вокруг местность в надежде отыскать какой-нибудь след, который подсказал бы ему, как он здесь оказался. Не с неба же он свалился. В этом случае он вряд ли отделался бы только головокружением и ушибом ребер.

После того, как первый шок прошел, он с удовлетворением отметил, что уже не испытывал растерянности и страха – все поглощало желание как можно быстрее выбраться отсюда, после чего, он был уверен, к нему обязательно вернется память хотя бы частично. Правда, его немного смущало то, что никаких ушибов на голове он не нащупал. Тогда из-за чего он лишился памяти? Не из-за ребер же.

Он отыскал неподалеку полянку и развел костер из сухих листьев и веток. Глядя на огонь, он попытался вспомнить хоть что-нибудь, но в этой части мозга была сплошная бесцветная пустота. Даже темноты не было.

Все еще не сдаваясь, он достал пачку и стал ее рассматривать при свете огня. Ее название «Пал Молл» было ему незнакомо, хотя на ней было написано, что это были знаменитые американские сигареты с угольным фильтром.

У него по спине пробежали мурашки. «Этого еще мне не хватало. Неужели я в Америке?» – со страхом подумал он. Для него это было равносильно оказаться в тылу врага. И вдруг, продолжая читать, он увидел написанное на родном языке: «Минздрав России предупреждает: «Курение вредит вашему здоровью». Быстро перевернув пачку, он прочитал сбоку, что сигареты изготовлены в России, в Москве, на 3-й Улице Ямского Поля, и у него сразу отлегло на душе: «Бог даст, я все-таки у себя дома». Дом для него означал Советский Союз или Россию. А Москва, он знал, их столица, и в ней есть Красная площадь с Кремлем и Мавзолеем.

То, что он вспомнил Москву с Красной площадью и даже ясно представлял, как она выглядит, его обрадовало: «Выходит, что-то я помню».

Но, как он ни напрягал память, так и не смог вспомнить, когда был в Москве.

Он стал вспоминать названия других городов: Ленинград, Киев, Новгород, Казань, Волгоград или Сталинград и другие, однако, не имел представления, в каком из них или в каком другом городе он родился и жил.

Не теряя надежды, он стал вспоминать, что знает о России, и выяснил, что помнит довольно много, начиная с древней Руси. На ум пришли князь Вещий Олег, боровшийся с половцами и погибший от укуса змеи, Александр Невский, разбивший шведов и его слова: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет», Дмитрий Донской, разбивший татар, Иван Грозный, убивший сына, Петр Первый, основавший Российскую империю и прорубивший окно в Европу, затем пришли на ум Николай Первый, казнивший декабристов, потом еще один Николай, сам казненный большевиками во время Великой Октябрьской Революции, затем советская власть, о которой он знал все, от зарождения до… И тут он обнаружил, что его память стала быстро затухать, пока не наступила знакомая бесцветная пустота. Последнее, что он помнил, была громко рекламируемая и много обещавшая перестройка Горбачева с ее непонятными экономическими реформами, которые лишь ухудшили экономику страны. Чем закончилась эта перестройка, он не знал. Выходит, память он потерял на подходе к девяностым годам. Давно это было или только вчера, он не имел представления.

Он закрыл глаза и стал думать, что знает еще, и понял, что, безотносительно к чему-либо, ничего. Однако, открыв глаза и глянув на огонь, он мысленно проговорил: «Это костер, это дрова, а это огонь». Он перевел взгляд на себя и стал перечислять: ноги, руки, свитер, ботинки. Но, как только он пытался вспомнить, где взял свитер или джинсы, он тут же окунался в ту же пустоту.

Больше всего ему хотелось вспомнить свою мать и отца, а возможно, и жену. Мысль о ней пришла ему, когда он, пытаясь определить свой возраст, нащупал налитые силой мышцы рук.

У слишком молодого или у старика вряд ли такие тугие, как накаченная покрышка, мускулы, рассудил он, как ему показалось, здраво.

Он догадался, что из его памяти исчезло все, что тем или иным образом связано с его личным прошлым, словно кто-то вырезал из нее, как ножом, автобиографию, оставив, однако, способность говорить, читать и мыслить, чтобы он отличался от животного.

Ему хотелось, чтобы скорее наступил рассвет, когда можно будет осмотреться вокруг и выбраться отсюда. Когда, наконец, рассвело, он заметил на земле две параллельные бороздки, оставленные, как он догадался, от его каблуков, когда его волокли сюда. Оттащили его, не поленившись, в глубь леса метров на сто от проселочной дороги, которую он отыскал по следу. Там он обратил внимание на полуповаленное через дорогу дерево, ставшее, вероятно, ориентиром для тех, кто его привез сюда. Если это так, то эти люди могли вернуться. Зачем? Скорее всего, чтобы закопать его тело. Тогда почему он остался живым? Или он выжил вопреки им?

Не найдя ответа, он внимательно осмотрел ближайший участок дороги и отыскал на дне засохшей лужицы след от колеса машины, однако, определить, в каком направлении она уехала, не сумел.

Он решил пойти по дороге навстречу пробивавшемуся сквозь листья красному солнцу и тут увидел прикрепленный к стволу дерева кусок картона со стрелкой и надписью «Лесник». У него радостно забилось сердце.

Казалось, что лес не кончится никогда. Успокаивало то, что еще дважды ему встретился такой же указатель. Вдруг он услышал в стороне собачий лай, свернул туда и увидел ответвление дороги. Уже увереннее он пошел по ней, и вскоре она привела его к одинокому дому за редким забором.

Едва он подошел к закрытым воротам, как к ним от дома подбежала собака и стала бросаться на него. Отметив с удовлетворением, что он помнит и любит собак, он стал терпеливо ожидать появления лесника. О том, что это его дом, говорила надпись на воротах.

***

Сначала послышался скрип двери, и затем на крыльце появился бородатый человек с ружьем в опущенной руке.

– Шалый, замолчь! – крикнул он. – Что-нибудь нужно?

– Хотел бы с вами переговорить, – тоже крикнул пришелец.

Тут у меня, доносившего до вас эту историю, возникла необходимость как-нибудь назвать молодого человека. Не тратя времени на придумывание, я решил временно, до выяснения настоящего имени молодого человека, так и продолжать называть его или для краткости Мч.

– Ну, говори, – разрешил, подойдя поближе к Мч, лесник. Он был среднерост, худощав и густо темноволос. Борода и новый голубой спортивный костюм вносили путаницу в его возраст: ему можно было дать и пятьдесят и шестьдесят лет одновременно.

Обратив внимание на то, что палец лесника касается курка, Мч сказал:

– Очнулся ночью в лесу и ничего не помню.

– Бывает с перепоя, – усмехнулся лесник.

– Я уж об этом думал, но вряд ли, хотя голова действительно кружилась и до сих пор не совсем в порядке. Но в висках не ломит и во рту никаких следов выпивки. Нет, тут что-то другое. Прошло уже несколько часов, как я очнулся, а я все еще не помню, как меня зовут. Не подскажете, где я нахожусь?

– В Лесках, считай, что в самом центре России. О Центрограде слышал?

– Слышал и представляю, где он.

– Мы в двухстах километрах от него. А ты откуда?

– В том-то и дело, что не имею представления.

Задержав на Мч взгляд, лесник открыл калитку и жестом пригласил следовать за ним, а Шалому приказал идти на место.

В доме их встретила полноватая с миловидным круглым лицом хозяйка, выглядевшая моложе мужа. В ее больших светлых глазах светилось любопытство.

– Вот, говорит, ничего не помнит, – пояснил ей лесник. – Очнулся, говорит, в лесу и не знает, кто он и где находится. Говорит, что не с перепоя.

– У тебя одна причина, – проговорила с укором хозяйка. – Сам ничего не помнишь, когда выпьешь, и на других это же валишь. А человек, может, в беду попал. Заходите, – улыбнулась она Мч. – Мы как раз за стол садимся.

Лесника звали Федором Николаевичем, а хозяйка представилась просто Любой.

Насчет себя Мч лишь пожал плечами.

– Ладно, – махнул рукой хозяин, – Там видно будет. Выпьешь, глядишь, просветлеет в мозгах.

В кухне сладко пахло жареным картофелем, блинами и еще чем-то до боли родным и очень далеким, отчего у Мч едва не прослезились глаза. Хозяева заспорили, надо ли с утра ставить наливку. Победил Федор Николаевич, сказав, что не каждый день к ним приходят люди без памяти. Сладкая домашняя наливка еще больше усилила аппетит Мч, и он с трудом сдерживал его, а Люба все подкладывала в его тарелку картофель и затем блины, повторяя

– Кушай, кушай. Я же вижу, как ты проголодался.

Видя, как ей не терпится услышать, что с ним произошло, он с трудом оторвал себя от еды и повторил, но уже подробно свою краткую историю.

– Сегодня что? Не вторник? – спросила она и сама ответила. – Нет, четверг. Ой, как жалко. А-то по вторникам утром повторяют передачу «Жди меня». Там как-то показывали такого же, как ты, молодого человека, который тоже ничего не помнил. Его, правда, нашли в поезде. Но тот даже говорить не мог, и его снова словам обучали. Помню, говорили, он даже вилку держать не мог. Передача отыскала и привезла ему в Москву мать с сестрой, так он и их не узнал. Они его обнимают, а он смотрит пустыми глазами в сторону от них. Врач больницы, куда его поместили, сказал, что это над ним кто-то такой злой опыт поставил.

– Ты это, Любань, слышь, не все сразу выливай на него, – прервал жену раскрасневшийся от наливки Федор Николаевич. – Не пугай наперед. Может, у него не так все плохо. Вишь, он и говорит нормально и ест и пьет, как все. Выходит, у него не все еще потеряно, должен обязательно оклематься.

– Господи, да что же это за нелюди такие, чтобы над человеком такие опыты ставить, после чего он себя не помнит? – горестно проговорила Люба. – А… вот мне интересно, себя ты в зеркале сможешь узнать? – Она поднялась и принесла из спальни зеркало в овальной раме. – Даже подавать тебе боязно. А ну-ка взгляни на себя.

У Мч самого екнуло сердце, когда брал зеркало. В нем он увидел уставившегося на него совершенно незнакомого голубоглазого парня с плотно сжатыми тонкими губами и русыми в крупных кольцах волосами.

– Неужели не узнал? – ахнула следившая за ним Люба. Мч покачал головой. – Ну, а хоть понравился себе?

Федор Николаевич не вытерпел:

– Ну, скажи, не глупая баба? Что пристала к человеку? Если даже не понравился, он что, может поменять себя? Ты-то сама что не поменялась на артистку какую? И я бы тогда был у тебя не лесник чахоточный, а тоже какой-нибудь артист кислых щей.

Обиженная Люба замолчала, а лесник наполнил до краев рюмку Мч.

– Выпей за знакомство с самим собой, а главное, не горюй, время все лечит. Важно, что живой остался. Вот только без имени ты не как все люди. Даже у собак клички есть. Давай-ка и тебе мы имя присвоим. Любань, как бы ты хотела его назвать? А когда память к нему вернется, посмотрим, насколько ты ошиблась.

Люба исподлобья взглянула на Мч и, вдруг смутившись, сказала:

– Что, если мы его назовем Захаром?

Федор Иванович от удивления поперхнулся.

– Откуда ты такое допотопное имя выкопала? Ну-ка сознавайся, когда и что у тебя с ним было? Это когда мы в Ялту последний раз ездили? Ладно, ладно, не дуйся, я шучу. А все же, в честь кого ты хочешь его так назвать?

– У нас в классе одного мальчика так звали. Он мне нравился, ну и что?

– Если в классе, то ладно. Это я знаю, что у тебя до меня никого не было. Тогда пусть будет Захаром. А что? Неплохо звучит. Так ты, Захар, говоришь, там дерево наполовину повалено? Не через дорогу ли перекинуто?

– Через дорогу. Оно зацепилось верхушкой за деревья на другой стороне. А на дереве рядом прикреплен кусок картона со стрелкой к вам.

Федор Николаевич удивленно сморщил нос.

– Кусок картона? Ты ничего не путаешь?

– Вот такой кусок серого картона, – Мч показал руками размер. – Всего их было три по дороге к вам. На них нарисована стрелка с надписью «Лесник».

– Любань, ты слышишь, какая чушь собачья? На картоне. – Лесник усмехнулся. – Да он же после первого дождя, как сопля, раскиснет. Не помнишь, на нем следов дождя не было? Нет? Значит, их повесили вчера, так как днем раньше был ливень. Тогда я тебе, Захар, вот что скажу. Это они специально для тебя их понавешали, чтобы ты не заблудился и вышел на меня. Тогда спрашивается, с какой целью? И почему не привезли тебя прямо ко мне или не бросили поближе, а в шести километрах отсюда, если я верно о том месте думаю? Спешка отпадает, раз было время на развешивание картонок. А почему, спрашивается, они выводили тебя прямиком на меня? Я что, им доктор или милиция? Могли и сами отвезти тебя, куда следует, а куда – им видней. Так нет, почему-то направили именно ко мне. Наверное, посчитали, что это лучше для тебя. Или, напротив, хуже, а? Это в зависимости от того, кто они. Одни и те же или разные. Я имею в виду тех, кто лишил тебя памяти и бросил в лесу, и тех, кто налепил картонок. Или это одни и те же? Вот задача, а? Вон сколько неизвестных. Ты как, в математике силен? А, Захар? А то я интегралы не проходил. Ты-то сам, что думаешь обо всем об этом?

Сумбурные рассуждения лесника были очень важны для Мч, и он боялся его спугнуть.

– Я? – не сразу отозвался он, думая, чем тут мог бы помочь интеграл. – Я… я, как вы. Вы продолжайте.

– Значит, тоже не силен, – разочаровался Федор Николаевич. – А ты, Любань?

– Я? – переспросила мывшая посуду Люба. – Я знаю только одно, что тех, кто с ним такое сотворил, надо бы поймать и самих отвести в милицию. А свозить в больницу Захара стоит. Только не в нашу костоломную. В той передаче себя не помнивший лежал в специальной какой-то больнице в Москве. Жалко, я название ее забыла.

– Значит, ты тоже против милиции. Им там такие беспамятные нужны. Убийцу Павла больше месяца ищут и никакой зацепки. А тут лучше не придумаешь. Возразить-то он не сможет. Все на него свалить можно. Нет, в милицию я его не сдам. Я его к Аристарху свожу.

– Я о нем тоже подумала, – отозвалась Люба и пояснила Мч. – Это у нас один такой знаменитый доктор есть. Лечит от всех болезней, перед которыми бессильны остальные врачи. После него люди начинают ходить, говорить и слышать. Люди болтают, его к самому Ельцину возили, когда тот ноги еле передвигал и совсем из ума выжил. Бог даст, и тебе память вернет.

– Ельцин? Это кто? – спросил Мч и, увидев, как хозяева удивленно переглянулись, добавил. – Я, ей-богу, его не помню.

– Не много потерял от этого, – буркнул лесник.

– Наш нынешний правитель, – пояснила Люба. – Никак не дождемся, когда уйдет или помрет. Такого навытворял, что не приведи господь.

Мч решил, что об этом узнает позже, а сейчас ему хотелось, чтобы Федор Николаевич продолжил свои рассуждения о происшедшем с ним, но не знал, как сказать об этом, чтобы не показаться назойливым.

– А главное, он подпустил к власти бандитов и все им разрешил, – сказал, похмурев, лесник. – Вот они и вытворяют с людьми, что хотят. Это наверняка кто-то из наших балует. Какой смысл везти тебя из других областей, где своих лесов хватает? Нет, это кто-то из здешних, кто меня знает. Чужие могли и не знать, где от того места находится лесник. Эх, жалко, колымагу мою опять испортили, а то бы мы с тобой туда сгоняли, может, еще какие следы выискали. Глядишь, и на кого наткнулись бы. Тем, кто тебя там бросил, наверняка интересно будет знать, куда ты делся. Как и тем, кто вроде бы спасал тебя, направляя ко мне. Значит, надо ждать их в гости. Сейчас допьем…. что-то она не берет, слабовата, и сходим, посмотрим вокруг. Если кто есть, от меня не спрячется. Любань, тебе налить? Ну и хорошо, нам больше достанется. – Федор Николаевич налил в два стакана и поднял свой. – Ну, давай за то, чтобы отыскать этих бандитов и вернуть тебе память. – Они выпили. – Только не понятно, какой им от тебя такого толк, когда нормальными работниками пруд пруди? Работы-то совсем в районе не стало. За одну еду люди согласны работать. А у других денег куры не клюют. Даже не миллионеры, а миллиардеры и не в наших рублях, а в их долларах. Это же сколько наших зарплат? И у нас такие стали появляться. Может, пока еще не в долларах, а в рублях точно уже есть. Ты бы на их усадьбы взглянул. Мой этот дом по сравнению с их хоромами, что конура Шалого.

– Откуда у них деньги? – заинтересовался Мч.

Федор Николаевич ответил насмешливо:

– Это только ты мог такой глупый вопрос задать. Откуда угодно, только не из трудовой копейки. В основном, как и раньше, воруют у государства, только с той разницей, что сейчас за это не сажают, а даже узаконили воровство через приватизацию. В народе ее прихватизацией зовут. У государства разве что лес и вода пока остались. И то, как смотреть. Взять наш лес, не предназначенный для вырубки как заповедный. Сейчас на нем все наживаются, а у государства от него одни расходы. На меня, к примеру, который должен охранять этот лес. А толк от меня какой? Это раньше «Стой, а то стрелять буду!» действовало, а сейчас против моего ружья в худшем случае два автомата Калашникова, а пистолеты уж и в счет не идут. Тут не до задержания, – живым бы остаться. А если и удастся запомнить номер машины и что в ней, а потом составить протокол, то выяснится, что машины с таким номером не существует, а если и есть, то везла она не отборный лес, а сухостой с разрешения начальства.

– В милицию пробовали обращаться?

– Обращался и не раз, пока не понял, что она имеет свою долю с каждой машины ворованного леса и с каждой браконьерской рыбы или дичи и зверя. Но это все цветочки в сравнении с тем, что стало твориться, когда пошла мода на особняки. И главное, норовят возводить их не рядом с народом, а подальше от него, куда вход запрещен, в заповедных зонах. И даже там строить начинают с трехметрового забора. Вот тут я не смог смотреть, как губят флору и фауну, какой нигде больше в мире нет. Стал спрашивать их как лицо официальное, на каком основании строят в местах, где имеется запрет на застройки. Одни от меня отмахивались, как от назойливого комара, другие совали бумаги чуть ли не от самого Ельцина, с третьими доходило до рукоприкладства, ко мне, разумеется, а последние и вовсе пригрозили убить, если не заткнусь. Вот и приходится ружье из рук не выпускать. Не поверишь, сплю с ним.

– Только три месяца назад, как поднялся с больничной койки, – пожаловалась Люба. – Я уж думала, не выживет. Живем, как на пороховой бочке. Никак не уговорю его бросить эту работу, не дожидаясь пенсии.

– Не ной, – оборвал ее муж. – Не на того напали. Не мы должны их бояться, а они нас. Потому что мы честно живем, а они нет.

– Начальство ваше почему не вмешивается?

Лесник молча разлил остатки вина и выпил

– Чудные ты вопросы задаешь. Как дитя малое. Трудно тебе будет в этой новой для тебя жизни. Начальство мое давно куплено и вмешиваться не хочет. Лишь иногда намекает мне: тебе что, больше всех надо? И вот что странно, не увольняет: надо, видно, чтобы кто-то на всякий случай выступал против. А я как лесник у них всю жизнь в передовиках. Любань, где моя медаль Героя?

– У Кати, забыл что ли? – Люба присела за стол. – Мы уже давно все ценное к дочери вывезли. Здесь не раз бывали, рылись, искали Федины бумаги на них.

– Новые соберу, не на того напали. Я их выведу на чистую воду. Ты думаешь, почему они заборами от людей отгораживаются? Потому что есть что скрывать. Я не удивлюсь, если ты, Захар, – их рук дело. Зачем, не знаю. Но раз сделали с тобой такое, значит, для чего-то надо. Вот бы поймать их на тебе, мы бы их тогда, о-о…. Слушай, а ты в машинах не разбираешься, не помнишь? А то я второй день, как без ног. Никак не пойму, что они с ней на этот раз сотворили. В те разы просто курочили или вырывали провода, а на этот раз поступили хитро: все на месте и аккумулятор, как зверь, а не заводится, хоть тресни. Может, взглянешь, а?

– Что ты пристал к человеку со своей машиной? – запротестовала Люба. – Дай ему придти в себя. Коля завтра приедет и отремонтирует.

Но Мч самому было интересно знать, разбирается он в машинах или нет. Он поднялся и, поблагодарив Любу за завтрак, пошел вслед за лесником к стоявшей в гараже «Ниве». К своей радости, машину этой модели он узнал и стал со знанием дела возиться под капотом, а Федор Иванович отправился посмотреть вокруг. Довольно скоро мастерский пыл у Мч угас, так как двигатель упорно не заводился, хотя никакой неисправности Мч не нашел. Даже проверил, не заткнута ли чем выхлопная труба. Увидев это, вернувшийся лесник разочарованно махнул рукой.

– Э-э, видно, и ты такой же, как я, мастер – пепка, только водить можешь.

– Ничего не понимаю, – оправдывался Мч. – Все в порядке, а не заводится. И бензина полбака.

– Мастера своего дела портили. Оставил ее на полчаса без присмотра, сажусь, а она ни в какую. Полдня провозился. Так на буксире и привезли. Жду племянника Николая. Вот у кого на это дело золотые руки.

– Он мастер по автосервису?

– Он на все руки мастер, где техники касается. Одно время пытался с другом держать свою мастерскую, да с бандитами не ужились. Ушли к зятю-покойнику в заводской гараж. – Федор Николаевич вздохнул. – Вот уж задача, не знаю, удастся ли отыскать его убийцу, или так и останутся концы в воду.

– Что с ним случилось?

– Обычное в наше время дело – заказное убийство. Как и Николай, отказался платить бандитам. Тот-то от греха подальше просто взял да и продал мастерскую. А Павел, зять, в последнее время директором завода был. До перестройки завод гремел на всю страну, за границу станки продавал. А когда бардак начался, его сначала разворовали, а потом и вовсе вроде как закрыли. Павел там после института до главного инженера дослужился. Все начальство разбежалось, кто куда, директор за границу, прихватив кассу, а Павел один остался, не дал до конца

развалить завод и даже начал помаленьку выпускать нужный на огороде инвентарь, люди-то только тем и живут, что сами выращивают, потом понемногу перешел на малые станки. Дело пошло. Рабочие его на руках носили за то, что он не хапал себе, как другие, а и им хорошо платил, что сейчас большая редкость. Может, и за это тоже его убили, чтобы не подавал пример другим директорам. Но убили его не сразу, а со второго захода. Первый раз либо попугали, выбив из руки зажигалку, либо промахнулись. Но скорее промахнулись, так как и во второй раз попали в шею. Три дня бедняк мучился. Уж лучше бы пометче выстрелили. Видно, нехватка у них на хороших киллеров. Слово-то какое-то дурацкое выдумали. Уж чего яснее ясного – убийца или, как раньше, душегуб. Так нет тебе, киллер. Все оттуда, с запада, вся зараза оттуда. – Федор Николаевич сплюнул и помолчал. – Месяц, как схоронили. Через неделю сорокадневные поминки будут. С Любаней поедем на кладбище, а потом в ресторан. Завод организует за свой счет.

– А милиция что говорит?

Следователь сразу дал понять, что дело дохлое. Наемных киллеров обычно не находят. – Федор Николаевич вздохнул. – Катька, дочь моя, до сих пор от горя с ума сходит. Всех подозревает, особенно нового директора. Резон, конечно, в этом есть. А как теперь докажешь? Он такие богатые похороны устроил, так плакал на них, как родного брата хоронил. Если бы знать, кто убил, я бы его сам, не задумываясь, вот из этого ружья пристрелил. Уж я бы не промахнулся.

Мч бросил взгляд на стоявшее рядом ружье, попросил:

– Можно взглянуть?

По тому, как он осматривал ружье, прицеливался и проверял наличие в нем патронов, было видно, что это дело ему хорошо знакомо.

– Вон в ту банку попадешь? – спросил наблюдавший за ним лесник и показал на консервную банку, насаженную на заборный столб.

Мч взглянул на нее и, приподняв одной рукой ружье, выстрелил. Банка дернулась, однако осталась на месте.

– Сразу видно, что стреляешь ты лучше, чем разбираешься в машинах, – сделал вывод лесник. – Может, тоже был лесником, как я. Но вряд ли, слишком молод. Не знаешь, сколько тебе лет?

– Вам со стороны виднее.

Федор Николаевич измерил его прищуренным взглядом.

– Пожалуй, ты будешь лет на пять помоложе Павла, а ему этой весной мы отмечали тридцать пять, он на одиннадцать лет старше нашей Катерины. Но он выглядел получше тебя. Всегда был гладко выбритый, напомаженный, одним словом, инженер. Судя по рукам, ты тоже не из рабочих, но по глазам видно, что тебя здорово потрепала жизнь. Какие-то они у тебя застывшие. А в армии ты не служил, не помнишь? Фу, черт, все забываю, никак в голове не укладывается. Зато одно с тобой мы уяснили: стрелять ты мастер. Теперь давай посмотрим, как ты пилишь и колешь дрова. Тогда я определю, городской ты житель или сельский.

Увидев, что Мч неплохо владеет топором и пилой, лесник предположил, что жил он либо в деревне, либо в небольшом городе без центрального отопления.

– Вот только не ясно, где ты так хорошо обучился стрелять, – почесал он затылок. – Уж не в Чечне ли был? – И тут же возразил себе. – Вряд ли. Оттуда редко кто живым и невредимым возвращается. А ты, вроде, цел, не считая ребер и памяти. Но это тебе уже здесь подсуропили.

– А что с Чечней?

***

Но тут послышался шум мотора. Мч увидел подъезжавшую к воротам легковую машину.

– Вот и наша ненаглядная дочка приехала, – обрадовался Федор Николаевич и, бросив на землю дрова, поспешил к воротам.

Мч увидел вышедшую из серебристого цвета машины незнакомой ему марки молодую светловолосую женщину с выпуклым животом. Как же она, бедная, одна рожать будет, пожалел он Катю. Но жалкой Катя не выглядела, когда отец подвел ее к нему, напротив, улыбалась во весь крашеный рот с белоснежными зубами.

– Мне мама про вас уже все рассказала, – поздоровавшись, проговорила она. – Попросила начать по компьютеру ваши поиски, а как я их начну, не увидев вас. Там обычно приводят фотографии пропавших.

К ним подбежала сияющая Люба. Обняв дочь, она сказала виновато Мч:

– Ты уж, Захар, меня извини. Не смогла я удержаться, чтобы не рассказать о тебе родной доченьке.

– Кто на что слаб, а ты на язык, – проворчал Федор Николаевич.

– Пап, любой другой муж на твоем месте был бы только рад этому, – сказала, озорно блеснув материными круглыми глазами, Катя.

К своему удивлению, Мч понял и смутился. А вот отец сообразил не сразу, после чего, нахмурившись, буркнул:

– Ты такие вещи вообще не должна знать. И вот что, дочка, давай договоримся, тебе в твоем положении самой водить машину пора бросать.

– Хорошо, пап, брошу и буду к вам пешком ходить. Подумаешь, двадцать километров сюда и столько же обратно. За день как-нибудь доползу, глядишь, и похудею.

– Не придумывай, – сказала Люба дочери. – А вы закругляйтесь со своими дровами. Через полчаса обед.

Катя незаметно кивнула отцу и вместе с матерью направилась к машине. Мч невольно залюбовался ее походкой: ноги Катя ставила не на носки, а на пятки, едва заметно поводя бедрами в такт шагу, при этом плечи ее были неподвижны, и голова горделиво поднята.

Пошел за ними, подмигнув Мч, и радостный лесник. Он помог жене отнести пакеты в дом и, вернувшись, проговорил, довольно потирая руки:

– Не забыла нас с тобой дочка, привезла выпить. Молодец она, всегда нас подкармливала, когда Павел жив был. А то на одну мою зарплату мы бы не выжили. И ту не платят. Любаня-то у меня – воспитатель, а детсады позакрывали, потому что люди перестали рожать. Кормить-то детей нечем. А мы ждем, не дождемся, когда родит. Как-нибудь прокормим. Катерина говорит, вон вы в какое время родились и то выжили. Это она имеет в виду, что мы с Любаней детдомовские, после войны одни, без родителей, воспитывались, а в люди вышли. Но мы – другое дело, нам тогда наша родная советская власть помогла, а сейчас вся надежда только на себя. Как-нибудь воспитаем, главное, чтобы родила благополучно. Свекор со свекровью тоже ждут, не дождутся. Павел-то у них также один был. Как-нибудь поделим внука или внучку. – Глаза лесника мечтательно увлажнились. – Будем заканчивать? Молодец, ты мне много помог. Павел тоже тут без дела никогда не сидел.

Обедали в гостиной, где работал телевизор. Мч с интересом поглядывал на экран, мало что понимая. Там показывали и говорили о голодовке учителей в Приморском крае. Женщины с изнеможенными лицами лежали на разостланных на полу матрацах. Голодовка, как Мч знал, была последней отчаянной формой забастовки. Забастовка у нас? Не платят зарплату? Как это? Почему? Он хотел спросить об этом, но вопрос застрял у него в горле от следующего кадра, на котором американские инструктора обучали грузинских солдат военному искусству, чтобы, как пояснил грузинский офицер в малиновом берете, противостоять агрессии со стороны России. У Мч вырвалось:

– Ничего не понимаю. Разве Грузия не в составе СССР?

Женщины перестали есть и одинаково округлили глаза. Федор Николаевич ткнул вилкой в губу. Громко выругавшись, он вытер ладонью кровь и крикнул:

– Нет больше нашего Эсэсэра! Нет его!

Мч похолодел. Это было пострашнее, чем очнуться в темном лесу без памяти. У него пересохло в горле и перехватило дыхание. Он открыл рот, но вместо слов услышал рык. Он попытался сглотнуть и не смог. Они испуганно смотрели на него. Федор Николаевич протянул ему рюмку.

– На, промочи горло.

Но Мч отхлебнул сок из стакана и спросил, поперхивая после каждого слова и не узнавая свой голос:

– Что значит, нет? Как это нет? А что есть? Где я? Вы где? Разве мы не в РСФСР? Вы мне сами сказали, что мы в самом центре России.

– России, но не Рэсэфэсэра, которого больше тоже нет. От него только две буквы и остались. Но и их, видно, скоро не станет на еще одну радость американцам. Без единого выстрела нас победили.

Мч вспомнил американские сигареты, изготоленные в России. Страшно захотелось курить, и рука потянулась к карману, но сигареты кончились еще в лесу, а Федор Николаевич из-за чахотки не курил.

– И… и что, вы… мы все прямо так и сдались? Не верю я, чтобы советские люди не сопротивлялись, тем более коммунисты. Они где были?

– А что коммунисты? Ну, я был коммунист еще с армии. А что я мог сделать, когда наверху нас предали? Сначала этот с заплаткой на лбу все ездил в Англию к железной, как ее… к Тетчер и мозги нам полоскал перестройкой того плохого социализма в хороший с человечьим лицом. А получился капитализм со звериной мордой. Это мы потом увидели, а вначале ему верили, как были приучены верить своим руководителям. А он взял и объявил по телевизору, что нас больше нет, имея в виду партию и коммунистов, на которых все держалось. Сейчас какие-то там копошатся, но больше для виду. Это уже не коммунисты, а приспособленцы.

– Я не понял насчет победы американцев без единого выстрела. Это вы сказали в переносном смысле? Мы существуем как самостоятельное государство?

– Да вроде как существуем, но при каждом самостоятельном шаге на них оборачиваемся: туда или не туда? А куда?

У Мч немного полегчало на душе.

– А что произошло с Советским Союзом?

– Его уже Ельцин доразвалил по указке Буша, перед которым каждый раз отчитывался. Нас он взял тем, что наобещал за червонец машину и устроить всем райскую жизнь при демократии. Сейчас на этот червонец даже спичку не купишь, а райскую жизнь он устроил не народу, а своей семье и своей свите, отдав им задарма народное богатство, а главное, нефть с газом. Только тогда мы поняли, как нас надули. Ну, я тебе скажу, кипело у меня внутри, я даже порывался поехать в Москву, их обоих, и Горбачева и Ельцина, из своего ружья прикончить, рука бы не дрогнула, клянусь богом. Любаня не отпустила. Да и разве до них доберешься? Да и поезд уже ушел, назад СССР не воротишь. Но, с другой стороны, вот, что я тебе скажу. Значит, не такой уж крепкий был наш Союз нерушимый республик свободных, как пелось в старом гимне. Как крысы разбежались.

– Не все, пап, – поправила отца Катя. Темнокарие глаза, нос и овал лица у нее были от отца, а светлые волосы, губы и улыбка – материны. Волосы и глаза контрастировали, привлекая внимание. – Не знаю, почему, но я хорошо запомнила, как президент Казахстана Назарбаев, узнав о Беловежском соглашении, спрашивал растерянно: «А мы теперь где?» И про референдум ты забыл, что был перед августовским путчем. На нем почти все высказались за сохранение СССР. Но это не было учтено в соглашении.

Мч хотел спросить про Беловежское соглашение, но вдруг потерял интерес ко всему. Жизнь, за которую он еще цеплялся, очнувшись без памяти, после услышанного потеряла для него смысл. Им овладело чувство нереальности, когда мозг отказывался воспринимать происходившее. Он продолжал слушать их, рассказывавших ему наперебой о происшедших в стране изменениях за последние годы, подтверждая показываемым по телевизору, и даже задавал вопросы, но все это было как бы не наяву и должно было пройти, когда вернется к нему память, и он опять станет нормальным человеком, и опять будет в СССР, великом и могучем государстве, объединившим и поэтому сохранившим много малых стран и народностей. Та же Грузия, насколько он помнил, добровольно вошла в состав Российской империи в начале девятнадцатого века. Многие народности сами просились под покровительство русского царя, чтобы спастись от постоянных вражеских набегов. И теперь все псу под хвост.

Поглядывая машинально на экран телевизора, он чувствовал, как что-то его раздражало. Наконец он понял: там никто не говорил о постигшей страну страшной беде, а даже пели и смеялись над шутками юмористов, среди которых он узнал посеревшего и пополневшего Петросяна. А как же он, он же армянин?

– Что стало с теми, кто жил в других республиках? Таких же много. С ними что стало?

– Одна беда со всеми стала, – ответила Люба. – В Прибалтике русских за людей не считают.

– А, та никогда не была нашей, – махнул рукой Федор Николаевич. – Она фашистов чтит, памятники им ставит, а наши разбивает. Для них Гитлер – герой. Я там служил, я знаю. Но вот что Украина вытворяет, непонятно. Испокон веков мы были одним народом, всю жизнь вместе. А сейчас там русский язык запрещают.

У Мч вырвалось:

– А Крым чей?

– Хохляцкий. Как Хрущев сдуру отдал им, так у них он и остался. А Ельцин не только Крым, а все, что мог, отдал, сейчас мы только локти кусаем.

– Теперь в Крыму не отдохнешь, как раньше, – вздохнула Люба. – Мы туда каждый год ездили. Встречали нас, как родных, и не только в Крыму. Везде были своими, куда бы ни приезжали. По телевизору только и слышишь, как нам раньше плохо жилось. Да, богатыми, как некоторые сейчас, мы не были. Но никто из нас не голодал, каким – никаким жильем государство всех обеспечивало, бесплатно лечило и учило. Поэтому и планы строили, что купить, что построить, куда поехать. А сейчас не до планов, день прошел и слава богу, что жив остался, не помер с голоду и не убили. По мне так уж лучше, когда все не богатые, но и не бедные.

– Мам, эта твоя философия сейчас, как мертвому банки, – вмешалась Катя. Она перевела взгляд на Мч. Глаза у нее были настолько темные, что не было видно зрачков. – Меня интересует, что вы дальше намерены делать?

Мч пожал плечами, на этот раз безразлично.

– После услышанного моя собственная проблема стала для меня не существенна и даже безразлична. Уж лучше бы я не просыпался, чтобы не знать всего этого.

– Вот это ты зря, – возразил Федор Николаевич, наполняя свою рюмку. – Туда никогда не опоздаешь, там мы будем вечно, а тут в командировке. Не знаю, чем занимаются там, а здесь у нас дел много. А у тебя их тем более невпроворот. Первым делом, надо родных отыскать, узнать, кто ты и как оказался в лесу без памяти. Если выяснится, что сделано это по злой воле, то надо будет с ними по-мужски расквитаться, стрелять ты умеешь. Ну и нужно будет определиться в этой новой для тебя жизни. А может, что и подправить в ней в интересах народа. За это в случае чего не жалко пожертвовать жизнью.

– Пусть пока поживет у нас, – сказала Люба, – придет в себя, пообвыкнет. Глядишь, может, еще что, кроме Крыма, вспомнит. Ты как, не возражаешь? – спросила она Мч.

– Спасибо. – Он удержал себя, чтобы не подбросить безразлично плечи. – Боюсь только, что я вам вряд ли доставлю удовольствие своим присутствием.

– Ты уже доставил, помогая заготовлять дрова, – возразил лесник и вдруг воскликнул, глянув на экран. – А вот и он, легок на помине!

Мч увидел огромного седого старика, которого поддерживали с двух сторон пожилая и молодая женщины. На его красном одутловатом лице гуляла полудетская улыбка. Вдруг он оттолкнул женщин, выпрямился и пробасил, глядя в камеру, придурковатым голосом:

– Я еще, понимаешь, ого-го…

Молодая женщина сердито посмотрела в камеру и повернула старика спиной.

Мч спросил:

– Это кто?

– Думал, дед Пихто? Нет, это наш президент. Понравился? – Лесник нервно засмеялся. – Везет нам с правителями, все меченые. Один был картавый, другой сухорукий, третий с заплаткой на лбу, а этот так и вовсе трехпалый. Трехпалый волк в стае считается несчастьем и его загрызают. А у нас такой нами правит.

Мч вспомнил Брежнева в последние годы и подумал: «Когда же у нас появятся нормальные руководители, чтобы не было за них стыдно перед другими народами?», – а вслух ответил:

– Нет слов. По-моему, надо очень постараться, чтобы отыскать такого на роль президента.

Катя улыбнулась. Два верхних зуба у нее были чуть длиннее остальных, что делало ее улыбку обворожительной. Она сказала Мч:

– Найдем ваших родных. Они наверняка вас разыскивают. Главное, не отчаивайтесь.

Люба услышала и спросила:

– Как ты будешь его разыскивать, если он даже фамилию свою не помнит?

– По фотографии. В лицо я его увидела. Если его не разыскивают, дадим объявление с его фотографией, что он ищет родственников. Может, Коля свозит его в Москву.

– Вот это дело, – одобрил Федор Николаевич. – А сейчас давай отвезем его к Аристарху. Ты сможешь?

Катя достала из сумочки крохотный телефон и тут же позвонила, удивив Мч отсутствием соединительного шнура. Она нажимала и подносила телефон к уху еще несколько раз, пока не сказала:

– Не отвечает, наверное, на вызове. Я по дороге домой загляну к нему и узнаю, где он.

Захмелевший лесник попытался взять ее машину, чтобы посмотреть на указатели, но Катя сказала, что ей нужно в женскую консультацию, и уехала, пообещав приехать завтра вместе с Колей.

После ее отъезда Федор Николаевич хотел съездить с Мч к указателям на велосипедах, но возразила Люба:

– Ты его совсем угробить хочешь? Видишь, у него глаза слипаются? Угомонись, дай человеку отдохнуть.

– И то верно, раз машины нет, – согласился лесник, подмигивая заговорчески Мч. – Я его на сеновале уложу. Там ему никто мешать не будет.

– Главное, ты сам не мешай.

В сарае, где на чердаке был сеновал, лесник достал припрятанную от жены давно початую бутылку водки, и они втихаря допили ее, закусывая сырыми яйцами.

– Чтобы крепче спал, – пояснил лесник. – Кур я тоже повыгоняю. Никто тебе мешать спать не будет.

***

Он уснул мгновенно и проснулся от выстрелов. Его словно подбросило, и он прильнул к щели.

Он увидел высокого спортивного покроя парня с пистолетом в руке, быстро удалявшегося от дома к воротам. Мч он показался знакомым.

Пока он соображал, где видел парня, тот скрылся за гаражом, после чего послышался гул отъезжавшей машины. Мч успел заметить ее квадратный зад и зеленый цвет, сливавшийся с лесом.

Нехорошее тревожное предчувствие овладело им и оттого, что парня он знал, а больше оттого, что во дворе не были видны и слышны хозяева.

То ли он оступился, слезая в спешке по лестнице, то ли у него закружилась голова и его занесло в сторону, он упал на стоявшую внизу кадку.

Поднявшись, он вытер ладонью с лица кровь и выбежал во двор. Проходя мимо окон дома, он заглянул в них и никого не увидел внутри. Тревога сменилась страхом.

Первой он увидел лежавшую на крыльце Любу. Голова ее свисала лицом вниз над верхней ступенькой, с которой стекала струйка крови. Светлые волосы на затылке тоже были в крови, ярко красной в лучах солнца.

На деревянных ногах Мч приблизился к Любе и, нагнувшись, приложил два пальца к шее. Не почувствовав пульса, он еще и еще раз прикладывал пальцы к шее с обеих сторон.

У него не хватило духа поднять ее голову и прикрыть глаза.

Федор Николаевич лежал у самых ворот на спине, глядя в небо и раскинув руки. Одной он продолжал держать ружье. На голубой куртке кровь казалась черной.

Мч показалось странным, что не лает Шалый, и он глянул на будку. Храбрый пес погиб, поймав пулю открытой в лае пастью.

Несколько минут он стоял, тяжело дыша и сцепив до боли зубы, затем нагнулся и опустил леснику веки.

Рука его полезла за сигаретой. Не найдя их, он скривился. Вытолкнув воздух сквозь стиснутые зубы, он опустился на скамейку у гаража, на которой они сидели утром, и попытался хоть что-то понять, чтобы затем решить, что делать дальше.

Но боль от убийства ставших ему близкими людей была настолько сильной, что ничего ему в голову не шло. Появлявшиеся мысли обрывались, как гнилые нити, и ему долго никак не удавалось ухватиться хотя бы за одну из них. Самыми прочными оказались две: одна о том, что лесника и жену убили по заказу владельцев особняков, и вторая – он каким-то образом причастен к этому убийству, исходя из картонных указателей, развешанных специально для него.

Еще он знал, что стал единственным свидетелем этого убийства. Об этом в первую очередь должна узнать Катя, но он не представлял, как сообщит ей, потерявшей недавно мужа, о смерти еще и родителей. Такие вещи по телефону не говорят, тем более в ее положении. У нее может не выдержать сердце. И может случиться выкидыш.

От звонка Кате его удерживало также то, что милиция первым делом обязательно заинтересуется, почему он не сообщил сначала ей, и обязательно обвинит его в убийстве, о чем его предупреждал Федор Николаевич, и тогда он не сможет переговорить с Катей так, чтобы она не заподозрила его.

И все же он решил начать с нее в надежде на то, что она приедет не одна, а с кем-нибудь, кто ее поддержит, хотя это ему вовсе не нравилось.

Он прошел в дом, стараясь не смотреть на Любу. Сотовый телефон лежал на кухонном столе. Тут же находился потрепанный блокнот с номерами телефонов. Телефон милиции был на первой странице. Почти на всех листах были записаны адрес и номера сотовых телефонов

Кати. Их было несколько, они были почему-то очень длинными и почти все зачеркнуты. Мч подумал, что Катя отчего-то часто меняла местожительство или работу.

Были в блокноте и Колины номера телефонов. Вот кому надо позвонить в первую очередь, подумал Мч. Коля должен был воспринять сообщение о смерти дяди по-мужски. Но они не были знакомы, и Коля мог сразу заподозрить в убийстве его, Мч, и сообщить в милицию.

Мч взял в руки телефон и осмотрел его, не имея представления, как им пользоваться. Но пальцы сами пришли в движение и стали нажимать на кнопки. Он набрал последний номер. После недолгой трескучей паузы он услышал женский голос о том, что абонент временно недоступен. Во второй попытке ему посоветовали по-английски попытаться позвонить еще раз. Он звонил еще и еще раз, но слышал те же голоса.

То же самое он услышал, позвонив, переведя дух, в милицию.

Страшно хотелось курить. В голове опять не было ни одной мысли. Нет, одна была: воспользоваться велосипедом и поехать в надежде кого-нибудь встретить по дороге.

***

Ему показалось, что он услышал гул подъехавшей машины. Он подошел к окну и увидел бежавших по двору к дому людей в милицейской форме с автоматами и пистолетами в руках, а за воротами стояли две машины.

Он повернулся к двери и стал ожидать. Она распахнулась, и в дом один за другим ворвались несколько милиционеров.

– Лицом на пол! Руки за голову! – раздался суровый крик.

Так как он продолжал стоять, его ударили автоматом по пояснице и ногам, повалили и придавили к полу.

Когда он попытался подняться, его стали бить ногами, дубинками и автоматами, отчего у него на миг помутилось сознание.

– Взяли? – услышал он хрипловатый голос заядлого курильщика.

– Чисто сработано, – ответил рядом молодой и веселый голос.

– Сопротивление оказывал?

– Не успел. Мы б ему, говнюку, дали.

– А морда отчего разбита? Ваша работа?

– Обижаете, товарищ майор. Мы свое дело туго знаем. – Голос был другой, блеющий. – Это, наверное, лесник, товарищ майор, постарался, оказывая сопротивление.

– Оружие проверили?

– Я проверил – все чисто. – ответил молодой.

– Поднимите его.

Его подхватили под руки и поставили. Он увидел перед собой коренастого багроволицего усатого кривоносого человека лет пятидесяти в черной кожаной куртке, который пристально его рассматривал колючими желто-зелеными глазами в красной оболочке. Ничего хорошего для себя в этом взгляде Мч не увидел.

Наглядевшись, майор приказал, ни к кому не обращаясь:

– Каждый занимается своим делом, а я с ним поговорю. – Трое вышли. – А ты посади его и поищи пистолет в коридоре. Если не найдешь, скажи, чтобы обыскали двор и за воротами.

Только сейчас Мч увидел, что его правая рука была в наручнике в пару с огромным милиционером. Тот подвел его к стулу, усадил и, пристегнув наручник к ножке, направился к двери.

Майор, устроившись напротив, представился:

– Я майор милиции Безусяк. Сам все расскажешь, и я оформлю добровольную явку, что тебе зачтется на суде? Или будешь упорствовать?

Буду упорствовать, потому что засчитывать мне ничего не надо. Я их не убивал.

– Значит, отказываешься. Тебе же хуже. Тогда скажи, кто их убил, если не ты?

Мч рассказал, как все было, рассказал, как на духу, за что Безусяк, обнажив в улыбке крупные неровные желтые зубы, похвалил его:

– Очень правдоподобно и складно, почти, как стих. Прямо писатель Мичурин. А на самом деле, ты кто?

– Я тоже хотел бы это знать, пожалуй, больше, чем вы.

– Эту лапшу ты будешь вешать на уши судьям. А я взял тебя на трупах, понял? – Майор поднялся и крикнул в коридорную дверь. – Позови девчонку!

Тот же большой милиционер привел костлявую веснущатую девушку с сумкой почтальона через плечо. Она с испугом смотрела на Мч.

– Ты его видела? – спросил ее Безусяк, делая ударение на «его».

– Его, его, – закивала девушка.

– Когда и при каких обстоятельствах ты его видела?

– Полчаса назад я подъехала на велосипеде к их дому со стороны реки и вдруг услышала два выстрела. Я слезла и посмотрела в дырку. Он стоял посреди двора с пистолетом, а дядя Федя лежал на земле. Потом он пошел к дому и выстрелил в тетю Любу, которая выбежала на крыльцо. Я до смерти испугалась и уехала.

– Хорошо. Молодец, что позвонила нам. Повторишь все это на суде. Можешь идти. – Майор поднялся. – Веди его в машину.

Во дворе к Безусяку подбежал рыжий с бараньей головой парень и протянул пакет с пистолетом.

– Вот. Нашел в канаве за воротами, – радостно проблеял он.

Майор перевел на Мч повеселевшие глаза.

– Твой?

– Нет. Его, наверное, выбросил убийца, которого видели я и девушка.

– Возьми прямо сейчас у него отпечатки пальцев, – приказал Безусяк барану, – и пусть в лаборатории срочно сличат их с отпечатками на пистолете.

Мч усадили в Уазик, где сняли отпечатки пальцев.

Из окна машины он видел, как вносили в «Скорую» накрытые простыней трупы и опечатывали дверь дома. Первой уехала «Скорая», за ней Безусяк на «Волге» и последним тронулся их «Уазик».

По дороге они остановились у поста ГАИ и проверили Мч на алкоголь. По тому, как довольно ухмыльнулся в усы майор, Мч понял, что результат проверки его удовлетворил. Мч показалось, что майор сам был немного пьян.

Такого поворота событий он не ожидал даже с учетом нелестного отзыва лесника о милиции. У него оставалась лишь надежда на суд, который должен был во всем разобраться. На то он и есть. Однако хотелось верить, что до суда дело не дойдет, – ведь он ни в чем не виноват.

В отделении милиции его сфотографировали и провели в комнату без окон. Там его пристегнули наручниками к замурованной в стену вертикальной стойке и оставили одного.

Ему хотелось сесть, но ни стула, ни скамейке в камере не было. Он опустился на пол, прислонившись спиной к стене. Только сейчас он почувствовал боль от побоев. Особенно ныла спина. Он не понимал, за что его били, ведь он не оказывал сопротивления.

Наконец дверь открылась, и в ней появился Безусяк с листом бумаги в руке.

– Это протокол твоего допроса. Прочти и подпиши, – сказал он голосом, не допускавшим возражения. – И вставь свою фамилию.

– Спросите ее у тех, кто бросил меня в лесу без памяти. Я вам буду за это благодарен.

– С благодарностью подождешь. Сначала насчет памяти. Ты не помнишь, что было до того, как ты будто бы очнулся. Но ты должен помнить, что было после, например, как оказались отпечатки твоих пальцев на пистолете, который нашли рядом с местом преступления.

– Моих пальцев? – Мч был поражен. – Я его, честное слово, не касался.

– Понятное дело, не касался. Было бы глупо с твоей стороны признать пистолет, отрицая убийство. Поэтому запишем, что назвать себя ты отказался, а насчет отпечатков пальцев на пистолете возразить не можешь.

– Возразить, если они там есть, я, естественно, не могу, но я настаиваю на том, что я не убивал лесника и его жену. Насчет того, как оказались отпечатки моих пальцев на пистолете, могу предположить, что их воспроизвели, когда я был без сознания, до того, как я очнулся в лесу.

Безусяк приложил лист к стене и, что-то написав, протянул лист Мч.

– Прочти и подпиши. Сними с него наручник, – приказал он стоявшему у двери все тому же огромному милиционеру.

– Как же я подпишу, если не знаю свою фамилию, подумал Мч, потирая руки. Разве что крестик поставить? Он поднялся и взял у майора протокол допроса. В нем он сознавался в том, что убил с целью ограбления Иванова Федора Николаевича и его жену Любовь Степановну, завладев деньгами в сумме 370 рублей, мобильным телефоном и позолоченной брошью, которые в момент задержания оказались при нем. Упоминались тут и девушка – почтальон и найденный пистолет. Заканчивался протокол словами: «С моих слов записано верно».

– Я не подпишу, – сказал Мч, возвращая протокол. – Вы прекрасно знаете, что никаких денег и никакой броши при мне не было, а по телефону я пытался дозвониться к вам, чтобы сообщить об убийстве.

Мч заметил, что вернувшийся к двери большой милиционер занервничал, уставился на майора и замычал, пытаясь привлечь его внимание. Тот повернул к нему сердитое лицо и приказал:

– Зови сюда Лелькина и Громова.

Милиционер привел рыжего барана и тоже уже знакомого Мч щуплого милиционера с лисьей мордочкой и веселым молодым голосом. Этого парня в вертикально прилепленной к затылку фуражке Мч запомнил по его футбольным ударам в живот. А еще он все время матерился. Безусяк сказал им:

– Он отказывается подписывать протокол. Надо, чтобы подписал. Смотрите, не перестарайтесь.

Майор вышел, громко хлопнув дверью. Большой милиционер потоптался на месте и отправился за ним.

Мч отступил в угол, приняв стойку.

– Ты что, мудила, вздумал оказывать нам, работникам органов, сопротивление? – удивленно спросил его щуплый пижон. – Ты знаешь, засранец, какой срок тебе за это светит?

– Я никого не убивал и не грабил. Ты сам меня обыскивал и хорошо это знаешь.

– Кто? Я? Когда? – хихикнул милиционер. – Тогда говори, на кого, работаешь? На Красавчика?

– Красавчика? Кто он?

– Ну что, приступим? – проблеял рыжий не то Лелькин, не то Громов, надвигая на лоб фуражку козырьком назад. Дубинка в его руке завертелась колесом. – Сейчас во всем сознается. Не таких обламывали.

В камеру вошел большой милиционер и внимательно посмотрел на Мч. Унего было круглое почти доброе лицо.

– Вы, это, не очень и чтоб без следов, – предупредил он. Из-за басовитого раскатистого голоса ему больше других подходила фамилия Громов.

– Один разок по кумпалу можно. – Баран подскочил к Мч.

Никто из двоих, оставшихся на месте, не понял, каким образом рыжий отлетел от Мч и упал к их ногам. Дубинка осталась лежать у ног Мч. Он отбросил ее ногой в угол за спину и опять принял стойку.

Большой приподнял барана, у которого был бессмысленный взгляд, и усадил у двери. Пижон вынул из кобуры пистолет и направил его на Мч.

– Ну, теперь, говнюк, мы будем тебя не бить, а убивать мучительно и долго.

– Может, майору доложить? – спросил большой.

– Ты чо, бля, издеваешься? Чтобы над нами ржало все отделение? Ты его один своей тушей придавишь. Давай с двух сторон.

Они бросились на него одновременно. Он пригнулся, выкинул навстречу им, как при нырянии руки, затем развел их, и они оба врезались в стену, а он, подняв все три дубинки, перешел в другой угол.

Он увидел, как баран поднялся, держась за стену, и направился к двери.

– Пойду, позову борова и длинного Славика.

Вскочивший с искривленным от злости лицом пижон крикнул барану вдогонку:

– И посмотри еще Бориса во дворе. – Он воткнул в Мч бешеные глаза и снова вынул из кобуры пистолет. – На колени, говноклюй!

– Убери, – тяжело поднимаясь, проговорил большой, – нам нужна его подпись, а прикончить мы успеем.

Они отошли к двери, а Мч вернулся вместе с дубинками в первоначальный угол, где ему было сподручнее отражать нападение. Дубинки он сложил в угол.

Рыжий привел двоих, сказав, что Бориса не нашел. Боров был квадратный, что в ширину, что в высоту, с круглой головой и расставленными под углом в стороны мощными ручищами. Длинный Славик возвышался над боровом на целую голову. Соразмерно росту был его нос, свисавший до верхней губы.

Господи, где таких уродов набрали, тоскливо подумал Мч. Лишь один более или менее нормальный, бросил он взгляд с надеждой на большого..

– В чем проблема? – спросил весело Боров, оценивая Мч бесцветными глазками. – Да я его одним пальцем обработаю. За пузырь, конечно. – По бокам его верхних зубов сверкнули железные клыки.

– Дело не в обработке, а в его подписи, – пояснил большой. – А он уперся, как партизан на допросе.

– Нет крепостей, которые большевики не брали. Вперед!

Он отбрасывал их руками и ногами, сколько смог, но камера была слишком мала для такого неравного поединка. В конце концов, его повалили и стали жестоко избивать, забыв о предупреждении майора. Он прижал к животу колени и обхватил голову руками. Рыжий выполнил свое обещание, но, очевидно перестарался. От его ударов по голове Мч отключился.

***

Очнулся он оттого, что ему лили на голову воду из пластиковой бутылки. Большой совал ему в руку ручку, умоляя:

– Подпиши ты этот протокол, ну его к лешему, а то ведь, ей-богу, убьем. А на суде откажешься и все расскажешь, как было.

Мч качнул головой и выдавил:

– Я не убивал и не грабил.

Милиционер вздохнул и громко выпустил воздух, оттопырив толстые губы.

– Курить будешь?

Мч кивнул. Милиционер сунул ему в рот сигарету. Он опустился на одно колено, и, дождавшись, когда Мч, перевернувшись на бок и приподняв голову, сделал несколько глубоких глотков, откашлялся, спросил:

– Ты сказал майору, что видел похожего на тебя убийцу. Это тебя ни на что не навело?

– Откуда, если я ничего не помню?

– С перепоем это не связано?

– Нет. В лесу я очнулся абсолютно трезвым. Правда, голова была, как не своя. А выпил я позже с лесником.

– С убитым?

– С ним. Он удивился, что там, где я очнулся, была прилеплена картонка с надписью «Лесник», и предположил, что ее повесили специально для меня, чтобы вывести на него. А зачем, ни он, ни я не поняли. Он был уверен, что они обязательно к нему придут.

– Не сказал, кто?

– Не сказал. Возможно, он имел в виду владельцев особняков, незаконно построенных в заповедной зоне, против чего он возражал. За что его избивали и грозили убить. Тогда причем тут я?

– Это-то мне как раз понятно. Чтобы убить их и свалить на тебя. А отпечатки твоих пальцев на пистолете могли сделать, когда ты лежал в лесу без сознания, тут ты прав. Как теперь докажешь, если у тебя нет памяти?

– Памяти у меня нет до того, как я очнулся. После есть. Я их не убивал. Они меня приютили и обещали найти моих родных. – Мч загасил пальцем окурок и положил на пол у стены.

Милиционер сморщил маленький курносый нос и, приподняв фуражку, почесал затылок.

– На тебе чистую бумагу и напиши, что сейчас мне рассказал и тогда майору, иными словами, все, что помнишь и думаешь об этом. Отдашь завтра мне или майору. Я тебя перезастегну, чтобы тебе удобно было писать правой. И вот что. О майоре дурно не думай. Он неплохой. Его затюкали из-за глухарей.

– Это что такое?

– Нераскрытые убийства. Каждый день кого-нибудь убивают. Не потому, что не можем раскрыть, а не дают.

– Кто?

– Кто-кто…. Кто наверху над нами. Все, мне пора.

– Спасибо вам. Как вас звать?

– Мелешкин. Василий. Но ты пока о нашем договоре никому не говори, особенно Лелькину.

– Это кто?

– Лелик. Который тебя обыскивал. Маленький такой. У него фуражка висит на затылке. Он тоже неплохой, только бить любит. Его самого недавно до полусмерти избили. Вот он теперь как бы отыгрывается. Думает, что ты на них работаешь.

– Он у меня про какого-то красавчика спрашивал. Кто он такой?

– Есть тут один авторитет.

– Авторитет в какой области?

Скрытую улыбку Мелешкина выдали появившиеся в уголках глаз морщинки.

– В бандитской, в какой еще? Это он велел Лелика избить. Тот всех и подозревает в связи с ним. Но я ему и другим сказал, чтобы тебя больше не били или только для вида. Но они, хоть я у них как бы старшой, могут не послушаться. Если бы я остался, я бы проследил.

– Спасибо вам. Будут бить, я потерплю. И никому не скажу о нашем разговоре.

Мелешкин перезастегнул наручник на левую руку Мч и ушел.

Мч тут же начал писать. Но не успел он закончить, как в камеру ворвались Лелькин, Громов и Боров.

На этот раз он пришел в себя от взрыва в мочевом пузыре. Застонав и приоткрыв глаза, он увидел рядом нечищенные стоптанные ботинки, мышиного цвета брюки с тонкой красной полоской и мотавшуюся вдоль ноги черную дубинку.

– Вставай, зассанец. К тебе твоя смерть пришла, – услышал он голос Лелькина. – Смотри, какая красивая.

Мч перевел в сторону взгляд и увидел у двери женские ноги, прикрытые чуть выше колен черной юбкой, и сразу подумал о Кате. У той тоже были такие же стройные сильные ноги, не спички, которые ему не нравились. Подняв глаза, он увидел, что не ошибся. В двери стояла изменившаяся до неузнаваемости Катя в черном, по-монашески надетом, платке. Ее карие глаза были совсем черными и стали еще крупнее. В них он прочитал и ненависть, и проклятие, и немой вопрос, но все это покрывало, как пеленой, страшное непоправимое горе.

– Катя, – пересилив боль в паху, ее слышно, с предыханием прошептал он.

– Очнулся, мудила, – весело констатировал Лелькин или Лелик. – Подойди к нему ближе, не бойся. Он на цепи, как собака. – Послышался смех.

Катины ноги сделали два робких шага и остановились. Теперь Мч пришлось приподнять голову, чтобы опять увидеть ее глаза. Встретив их взгляд, он быстро, вкладывая все силы в голос, заговорил:

– Катя, поверь мне, я их не убивал. Зачем? Ты же знаешь, что они мне стали как родные. Из своих я никого не помню, но думаю, что моя мама похожа на твою. Я видел убийцу. Я найду его. Меня силой заставляют подписать признание, что я убил из-за денег и какой-то броши. Я скорее умру, чем подпишу. Но теперь я не хочу умирать, чтобы найти убийц и чтобы ты обо мне плохо не…

Удар дубинкой по шее оборвал его на полуслове. Однако он успел заметить, что выражение Катиных глаз смягчилось, а это было для него сейчас самым главным.

– Ты его, мудозвона, больше слушай. Он тебе так мозги засрет.

Лелькин занес ногу для удара. Неведомая сила подбросила Мч. Он ухватил стоявшую на полу ногу и рванул ее к себе. Тело милиционера перевернулось в воздухе. Фуражка слетела с головы, и звук удара затылком о цементный пол походил на треск расколотого арбуза. Не дав ему опомниться, Мч подтянул его к себе и навалился всем телом. Но, увидев, что тот лежал неподвижно и не сопротивлялся, Мч крикнул метнувшейся к двери Кате:

– Катя, постой! Ничего с ним не случится, он скоро очнется. Я должен выйти отсюда, чтобы найти убийцу и снять с себя подозрение. Кроме тебя на этом свете я больше никого не знаю. Помоги мне. От тебя ничего не требуется, только молча уйти, а я выйду чуть позже, чтобы не заподозрили тебя. Подожди меня на улице или скажи, где тебя найти.

Мч отыскал в кармане Лелика ключи и, отстегнув наручник со своей руки, стал подниматься, держась руками за стойку. Встав, он потряс головой, сбрасывая боль, повернулся к Кате и увидел нацеленный на него крохотный пистолет, который она держала двумя трясущимися руками.

– Не подходи. Я выстрелю, – дрожавшим от волнения звонким голосом пригрозила она. – Ты все врешь. Девушка видела, как ты их убивал. А они тебе поверили. Маме было так жалко

тебя. – Она еле сдерживалась, чтобы не заплакать. Дуло пистолета ходило вверх – вниз. – За что ты их убил? Что они тебе сделали плохого?

– Катя, убить ты меня всегда успеешь, никуда я не денусь, потому что без памяти я, как слепой котенок. Девушка-почтальон видела не меня, а убийцу, который почему-то был очень похож на меня. Я думаю, это не случайно, и он имеет отношение к потере мной памяти. Поэтому он и мой враг. Дай мне шанс найти его и попытаться вернуть память. Но главное, он – убийца твоих родителей. Ты обязана мне помочь его найти и предать суду. Если ты убьешь меня и не поможешь мне выйти отсюда, ты всю жизнь будешь жалеть об этом, потому что когда – никогда, а обязательно выяснится, что я не убивал твоих родителей. Катя, мы теряем время. Тебе нужно уходить. В случае чего скажи, что ты ушла, когда он стал бить меня. В коридоре много народа?

– В этом крыле, кроме охранника, никого не было, – ответила она, все еще держа направленным на него пистолет. – Все находились в другом крыле коридора. А у входа сидел один дежурный и рассматривал журнал.

– Поблизости отсюда есть переулок?

– Есть слева от входа метрах в ста.

– Жди меня в нем на той стороне улицы.

– Но при условии, что ты выполнишь одну мою просьбу. Какую, я скажу тебе после. Обещаешь?

– Обещаю, если она вообще выполнима.

– Выполнима. А сейчас я буду ждать тебя в синей «Волге» с Колей.

– Федор Николаевич говорил мне о нем.

Катя вздрогнула, и ее глаза опять заблестели от слез. Она сердито вытерла их платочком.

– Дежурный у входа такой огромный. Ты с ним справишься? Ты еле стоишь на ногах.

– Попробую справиться. Ты иди. Спасибо тебе.

Вдруг она подошла к нему и протянула пистолет.

– Возьми.

– Нет, – отвел он ее руку. – Я не хочу тебя вмешивать. Не теряй время. – Он коснулся ее плеча и легко подтолкнул к двери.

Когда она ушла, он приподнял веки Лелькину, после чего, держась за живот, быстро прошел в дальний угол, где стояла пластиковая бутылка, из которой его поливали водой. Она еще осталась на дне. Больше терпеть он не мог. Вода быстро покраснела. Несмотря на указание Безусяка, они явно перестарались.

Поставив бутылку, он вздохнул с облегчением и прислушался у двери. В коридоре было тихо. Вернувшись к Лелькину, он пристегнул его руку к наручнику, засунул дубинку себе в рукав и приоткрыл дверь.

Ему показалось, что дверь напротив дернулась, но коридор был пуст. Он ухватил покрепче рукоять дубинки и, не спуская глаз с двери напротив, направился к выходу.

Дежурный сидел необъятной спиной к нему. По сравнению с ним большой Мелешкин был худым, как перед ним самим Лелькин. Мч на цыпочках подошел к спине и ударил дубинкой по шее, вернее, где она должна быть. Голову он бережно опустил на голую женщину в журнале.

***

На улице он глянул украдкой по сторонам и пошел налево. В переулке напротив виднелись габаритные огни машины. В ней сидели двое. Когда он приблизился, из машины вылез невысокий черноусый парень, миниатюрней, пожалуй, Лелькина, и спросил хмуро:

– Оружие есть?

Мч подал Коле дубинку, приподнял сначала свитер, затем штанины джинсов и вывернул карманы.

Взяв дубинку, Коля указал на переднюю правую дверь. Садясь в машину, похожую на «Волгу», Мч взглянул на Катю на заднем сидении.

– Все хорошо получилось? – спросила она.

– Даже лучше, чем ожидал.

– Ты имеешь в виду, что трупов после тебя не будет? – спросил Коля, трогая машину.

– Как получилось с одним, Катя видела. А дежурного я ударил дубинкой по шее. От этого не умирают, тем более с бычьей шеей.

– Почему не взял пушки?

– Хотел, чтобы у милиции ко мне было меньше претензий.

– Не думаю, что они это оценят, – усмехнулся Коля, – а нам бы они пригодились. Давай рассказывай все с того момента, как Катюха уехала из лесничества. Что было до этого, мы знаем. Предупреждаю, я, ёклмн, – не она и сразу усеку, где ты будешь лепить горбатого, понял? Начинай, а там мы решим, что с тобой делать.

Коля вынул из кармана куртки пачку сигарет и закурил. Не в силах оторвать от огонька взгляд, Мч попросил:

– Не угостишь?

Коля достал из ящичка на передней панели непочатую пачку с зажигалкой и протянул. Мч с наслаждением закурил и стал рассказывать. Они слушали молча, лишь Катя изредка тихо всхлипывала, когда он упоминал по имени отца или мать. Когда он закончил ее приходом в камеру, Коля спросил:

– Номер или марку той машины не запомнил?

– Номера на ней, по-моему, не было, а марку такую я не знаю. Похожа на пикап, только обтекаемый. По-моему, зеленый.

Впереди них послышался вой сирены, затем еще один чуть в стороне и еще один сзади. Коля притормозил, а когда навстречу им на огромной скорости пронеслась милицейская машина, остановился и проговорил сердито:

– Выходит, ёпрст, трупы после тебя там все-таки остались.

– Я их не оставлял, – возразил твердо Мч, но ему стало не по себе. – Давай вернемся и узнаем, в чем там дело. Я бы не хотел, чтобы между нами были недомолвки.

– Я тоже так думаю. – Коля развернул машину и поехал назад.

Когда они подъехали к месту их недавней встречи, по дороге в сторону отделения милиции проехал микроавтобус с надписью «Телевидение».

Выключив двигатель, Коля сказал Мч:

– Мы вдвоем сходим туда, а ты сиди здесь. Дождись, понял? Если ты не убивал, бояться тебе, ёклмн, нечего. – Он вынул из замка зажигания ключ, поднял с пола дубинку и, выйдя, спрятал ее в багажник вместе с Катиным пистолетом.

Дорогу они переходили, держась за руки. Если не считать, что Катя была чуть повыше, то со спины они походили на близнецов-подростков, скорее девушек из-за узких плеч и тонких шей. Да и зады у них были почти одинаковые, разве что у Кати покруглее. Мч опять пожалел ее: как же она, бедная, будет рожать с такой маленькой попкой. А о том, что без родителей, он даже не хотел и думать. Но не думать об этом не мог, чувствуя за собой вину в смерти ее родителей.

Я обязан заменить их ей, думал он, глядя на удалявшиеся фигурки. Он опять обратил внимание на Катину походку, которая, несмотря на страшное горе, попрежнему была царственной.

Оставшись один, он курил одну сигарету за другой. Ему было видно все происходившее на площади перед зданием отделения милиции. У самого входа стояла «Скорая», а по бокам было много машин, которых не было, когда он выходил из отделения. На крыльце и возле него толпились люди. Туда и направился Коля, оставив Катю в стороне. Однако стояла она в одиночестве недолго. Возле нее остановилась милицейская «Волга», из которой вышел Безусяк. Подойдя к Кате, он что-то ей сказал, и они вдвоем направились в отделение. Коля попытался присоединиться к ним, но майор отстранил его. Однако Коля оказался настырным и вскоре проскользнул в пару с кем-то.

Совсем скоро из двери вынесли носилки с накрытым темной простыней телом. Судя по тому, как они изогнулись под тяжестью, Мч догадался, что на них лежал дежурный. Он не знал, что и думать, так как был уверен, что его удар по шее не мог оказаться смертельным.

С трудом воткнув носилки в машину, санитары бегом опять направились ко входу. На этот раз тело на носилках не было накрыто, а рядом с ними семенила женщина. держа что-то над забинтованной головой. У Мч слегка полегчало на душе: «Слава богу, хоть Лелик жив». С тем большим нетерпением он стал ожидать возвращения Кати с Колей.

Неприятная мысль пришла ему в голову, когда он прикрыв глаза, ушел в себя: точно зная, что больше нет СССР, а другой страны, даже России, он не признавал, тем не менее, он, как ни в чем ни бывало, думает и переживает совершенно о другом. Он стал оправдываться: «Что я должен и могу сделать? Схватить ружье Федора Николаевича и пустить в себя пулю или побежать воевать за Советскую власть? С кем? С полунищими милиционерами? Они такая же жертва, как все и как я. С владельцами особняков? Они просто воспользовались свалившейся на них возможностью воровать и богатеть, хотя, конечно, способствовали и радовались развалу Советского Союза и приходу к власти этого старика Ельцина. Убить его? По-моему, он уже покойник как правитель, судя по его придурковатому виду, и за него давно правят другие. Да и что это дало бы? Вернуло советскую власть и главное, СССР?».

И еще одна мысль, тесно связанная с этими вопросами, преследовала его. Если ему сейчас, со слов Федора Николаевича, около тридцати, а память он потерял, скорее всего, недавно, то где и с кем он был и что делал во время тех трагических событий в стране? Пытался ли что-либо сделать или спокойно, как все, наблюдал?

Он очень хотел знать об этом.

Он пришел к выводу, что, несмотря ни на что, дел у него в этой жизни еще много и продолжить ее стоит. Но только не в тюрьме, где он ничего не сможет сделать. Вот почему он с тревогой смотрел на входную дверь отделения милиции, площадь перед которым постепенно пустела. Остались несколько машин, в том числе «Волга» Безусяка. Такую модель Мч хорошо помнил, а Колину – нет, и микроавтобус телевидения – тоже.

Наконец показался Коля в окружении трех человек в гражданской одежде. Все четверо направились в сторону Мч. Он поймал себя на том, что ему захотелось выскочить из машины и убежать, но, стиснув зубы, он остался на месте.

Они перешли дорогу. Трое сели в машину, а Коля пошел дальше. Мч облегченно вздохнул. Но Коля был мрачен, желваки на его щеках вздувались в такт дыханию.

– Как выносили труп и полутруп, ты видел, – сказал он, усевшись. – У одного, ёпрст, дырка во лбу, у другого – в животе. А ты утверждаешь, что не стрелял.

У Мч пересохло во рту, и он с трудом выдавил:

– Но я, правда, честное слово, не стрелял. К пистолету я даже не прикасался.

– Честное слово, – усмехнулся Коля. – Сейчас таких, ёклмн, понятий нет. Ты еще поклянись, что милицейские удостоверения и кошельки с деньгами у них не забрал.

– Какие удостоверения и кошельки? – Мч начал злиться. – Их тоже мне приписали? Но там другое дело, там они были одни, а здесь вы с Катей видели, что у меня ничего, кроме дубинки, не было.

– Мог спокойно выбросить по дороге.

– Куда? Там один асфальт. Их что, нашли, передали и на них оказались мои отпечатки, как на том пистолете? Я не ошибся?

– Кто же отдаст кошельки с деньгами? Тем более пистолеты и милицейские удостоверения, которые на вес золота.

У Мч вырвалось:

– Надо было мне все это у них забрать, и сейчас я бы не был таким беспомощным.

– А я тебе что, ёклмн, говорил? Все равно на тебя все повесили. Так что приспосабливайся к новым нашим порядкам. Хорошо, что мы с Катюхой с тебя глаз не спускали, когда ты шел к нам. Мы бы видели, как ты выбрасывал. Это же не иголка, тем более два пистолета. Вот поэтому мы тебя не сдали. И еще несколько деталей за тебя. Свидетели, а их немало, видели, как ты заглянул в коридор напротив…

– Никуда я не заглядывал. Я прямо направился к дежурному.

– Нет, заглянул и крикнул, подняв руку: «Ложись!»

– Какая-то чушь несусветная. Ничего я не кричал. Откуда они взяли, что это был именно я?

– Потому что они узнали тебя по твоей фотографии и клянутся, что это был ты.

– Опять мой двойник?

– Выходит, ёпрст, так. Это подтвердил и один мужик в машине, видевший вас двоих. Он говорит, что сначала ты вышел и пошел, держась за бок, налево, а минут через пять-семь вдруг опять выбежал с двумя пистолетами, уложил криком на землю куривших и помчался направо, где сел в машину и уехал. Мужик еще удивился, как ты опять в отделении оказался, и первый предположил, что видел двоих, а не одного, причем разных, хотя и очень похожих. С ним соглашались и пришедшие в себя курильщики, но Безусяк не придал этому значения. А я придал, потому что они видели, что побежал ты направо, а не налево, где мы были, и та машина стояла на дороге, а не в переулке, где бы ее они не увидели. Я Катюхе успел шепнуть об этом, а то она не знала, что о тебе думать.

– Почему она еще там?

– Репортеры от нее вроде бы отстали, а Безусяк, ёпрст, все еще мурыжит и пытается заставить сознаться в том, что она видела, как ты застрелил этого Лелькина в камере.

– Он вроде бы жив.

– Дай бог. Может, он что прояснит, и Безусяк ему поверит.

– Он ее отпустит, если она не сознается?

– А хрюн его знает. От ментов все можно ожидать. Бог, ты знаешь, создал три зла: женщину, мента и козла. Еще немного подожду и пойду за ней.

– Если ее не отпустят, я тоже пойду туда. Только меня ведь опять арестуют и обвинят еще и в этих двух убийствах.

– Никуда ты не пойдешь. Мы пойдем в милицию, когда найдем твоего двойника. Давай думать, как?

– Ты знаешь тех, кто угрожал Федору Николаевичу? Кто они?

– Сколько себя ни помню, ему все время угрожали. Должность у него такая. Браконьеры всех мастей и тогда были. Лес всегда воровали. Только сейчас не воруют, а берут. И попробуй помешать. А он мешал. Но я не думаю, что это они. А вот хозяева особняков, эти, ебн, посерьезнее. Первыми построились мэр и председатель городской думы или, как их называют, спикер.

Эти построили как бы для представительских целей. Живут там, конечно, их семьи. Против них дядя Федя был бессилен что-либо сделать, пытался попасть к ним на прием, чтобы пристыдить: нехорошо, мол, портить заповедную природу, которой нигде в мире больше нет. Они, конечно, сами его не приняли, а велели своим помощникам сунуть ему в нос бумаги об этих самых представительских целях и об изменении границы заповедной зоны. Тогда он попробовал обратиться в местные газеты и телевидение, но там побоялись пойти против начальства. Пометался он, пометался и вроде бы приутих. Пусть будут представительские цели, лишь бы не очень губили природу. Но тут особняки стали расти, как грибы, и уже без всяких справок. Вместо них дяде в нос стали совать деньги. Их у новых русских куры не клюют. Банкир, директор водочного завода, военком, озолотившийся на освобождениях от армии, руководитель охранной фирмы, – эти настолько обнаглели, что стали соревноваться друг с другом, кто больше отхватит земли. Дошли до того, что захватили озеро с редкими рыбами и целебной водой. Окружили его со всех сторон особняками и поделили на части. Опять же, если бы охраняли рыб, а то стали носиться по озеру на моторных лодках, что для рыб и воды, как известно, гибель. Куда только дядя Федя ни обращался! И к тем же мэру и спикеру и опять же в газеты, не говоря уж о своем начальстве, и к губернатору области. Хоть ничего не добился, а шум поднял. При строительстве особняка банкира его, ёпрст, избили за то, что он направил письмо в местную природоохранительную прокуратуру. Избили, правда, несильно, больше попугали, потому что банкиру удалось подкупить прокурора. Директор водочного завода оказался злее и велел избить дядю до полусмерти за то, что суд, куда он обратился, сначала вынес решение о приостановке строительства. Потом это решение судья отменил и состряпал какую-то бумагу. А дядя все еще лежал в больнице. Ты же видел его: кожа да кости, там бить нечего. Он чахотку еще в армии подхватил, поэтому и подался сначала в лесорубы, а потом в лесники. Мы думали, он не выживет, но он оклемался и уже попер напролом. А к этому времени свой особняк почти достроил военком и начал огораживать участок в двадцать гектаров заповедной земли начальник охранного бюро. Вот его ребята уже в открытую пригрозили дядю пришить, если он не заткнется. А в это время как раз Павла убили, и дядя был в подпитии. Он возьми и ляпни им, что готовит письмо в Генпрокуратуру и в Верховный суд. Через три дня после этого разговора, когда дядя был на девятидневных поминках, у него из дома выкрали всю переписку по особнякам со всеми заключениями, лабораторными анализами и фотографиями и изуродовали его «Москвич», не оставив ни одной годной детали. Я вывез его на свалку и в первый раз посоветовал дяде бросить это дело. Сказал, что он зря надеется на Москву. В ней самой каждый день убивают, грабят, воруют и строят особняки в парках и природных зонах. Я читал об этом в газете. В лучшем случае, сказал ему, его жалобу перешлют губернатору, а тот обратно в Лески. И знаешь, что он мне ответил? Он сказал: «Скорее умру, но губить флору и фауну не дам», – и начал опять собирать материал, – Коля нервно затянулся сигаретой.

– Парткомов сейчас тоже нет? Он мне говорил, что был коммунистом.

– Кого? Парткомов? – От удивления Коля поперхнулся дымом.

Мч опомнился.

– Это у меня вырвалось. Короче, пожаловаться некому и некуда.

Наконец до Коли дошло.

– Вон ты о чем. Почему нет? Есть. Только они называются по-другому: ОПГ – организованные преступные группировки. Если у тебя есть проблемы, к примеру, кого-нибудь надо убрать, идешь к ним, договариваешься за определенную плату и считай, что вопрос решен. Если, разумеется, тот, кого ты заказал, не заплатит им больше, чтобы убрать тебя. А вот и наша Катюха ковыляет, – обрадовался Коля. – Скажи, не похожа на кенгуру? – Он выскочил из машины и распахнул перед сестрой дверцу.

Катя была взволнована. Когда они отъехали, она рассказала, что Мч будет объявлен в федеральный розыск. Безусяк при ней приказал подчиненным при встрече с ним стрелять на поражение.

– Если я правильно его поняла, он велел им тебя сразу убить, а объявить в федеральный розыск означает, что тебя будут искать по всей стране, – пояснила она Мч. – Коля, его надо куда-то спрятать, потому что уже сегодня его фотографию покажут по телевизору.

– Вот за что я тебя ценю, так это за твою соображалку, – улыбнулся Коля.

– Ты еще не все знаешь.

– А ну выкладывай, что ты там еще натворила.

Разозлилась и сказала Безусяку, что поверила Захару, что он не убивал моих родителей. Он аж подпрыгнул от злости.

– Ну ты, ёклмн, и дура, – разозлился Коля. – Удивляюсь, как это он тебя не арестовал, обвинив в пособничестве убийце. Говори, что еще ляпнула?

– Еще сказала, что если они не найдут настоящих убийц моих родителей, я сама их найду, потому что знаю, кто грозился убить папу.

– Он опять подпрыгнул?

– Сказал, чтобы я об этом даже думать забыла, если хочу жить.

– Он правильно сказал. На это у тебя есть брат, то есть я, поняла? А ты чтобы мне, ёпрст, больше вообще свой болтливый рот не раскрывала. – У Коли тряслись руки, когда он прикуривал.

– Катя, ты не обижайся, но Коля прав, – вмешался Мч. – Ты поступила необдуманно. Это не женское дело, особенно в твоем положении. На это есть мы, мужчины. А ты должна делать только то, что мы попросим.

– Да если бы не я, ты… ты бы до сих пор сидел в камере. – Катя показала Мч язык и попыталась улыбнуться, но улыбка у нее не получилась.

Возразить Мч было нечем, скорее всего так и было бы. Он проговорил ласково:

– За это я тебе действительно очень благодарен. Но все равно ты должна нас слушать. Ты Безусяку все рассказала так, как мы с тобой договорились?

Катя кивнула.

– Да, как было на самом деле и как ты просил. Но он все равно стал доказывать, что ты маньяк, и заставлял говорить репортерам, будто бы я видела, как ты выхватил у охранника пистолет и застрелил его, хотел убить и меня, но я убежала. А о том, как ты просил говорить, что не убивал охранника и что он тебя ударил по шее, об этом он велел молчать. Когда я стала возражать, он сказал, что еще надо разобраться, не помогла ли я тебе убежать. Вот тут я ему и выдала, что сама найду убийц. Что я сделала не так, а, Коленька?

Коля буркнул:

Ладно, так еще ничего. Но язык все равно тебе надо укоротить.

Мч спросил Катю:

– Ты сама догадалась сходить в камеру или тебе кто подсказал? Как тебя пропустили с пистолетом?

Она рассказала, что в морге при опознании трупов присутствовали Безусяк и знакомый ей следователь прокуратуры Есаков. Он вел дело об убийстве Павла. Они все еще были там, когда она пришла в себя после обморока. Колю медсестра отправила в это время в аптечный киоск за успокоительными лекарствами для нее, а сама прихорашивалась, глядя в зеркальце.

Услышав речь, Катя открыла глаза. Говорил Есаков в продолжение их разговора:

– Жалко ее. Остаться одной да еще в таком положении. Будь моя воля, я бы за такие вещи казнил. В этом отношении законы, которые мы обязаны соблюдать, на мой чисто человеческий взгляд, далеко не совершенны.

– Рано у нас ввели мораторий на смертную казнь, – поддержал следователя хрипло майор. – Все перед Западом лебезим. А сами они не все его признают. Американцы на него срали. И правильно делают. Взять этого убийцу. Если он на самом деле потерял память, то это учтут как смягчающее обстоятельство, и ему дадут не вышку, а лет десять, а то и отправят на лечение. А там, глядишь, еще и сбросят за примерное поведение. Выйдет он до срока и опять возьмется за свое. Я согласен с тобой, таких надо сразу кончать. Я уж жалею, что мы не сделали это сразу при попытке к бегству. А вообще, я тебе скажу, надо давать родственникам их убивать. Это им уменьшило бы горечь потери. Не все, конечно, на это способны. Интересно, она бы смогла? – Катя едва успела закрыть глаза, когда они к ней обернулись. – По виду вряд ли, очень уж нежная. Хотя кто знает? В тихом омуте, как говорится, черти водятся. Нам сейчас главное выбить от него признание. Надеюсь, к утру оно будет. Тебе останется только передать дело в суд. Так что можешь спокойно идти домой, если спешишь. Юбилей тещи никак нельзя пропустить, потом не расхлебаешь. Отошла? – спросил Безусяк Катю, увидев, что она открыла глаза.

Они оба подошли к ней.

– Мы без слов поняли, что вы опознали родителей, что и зафиксировали в протоколе, – сказал Есаков.

– Могу я на него взглянуть? – спросила она.

– На кого?

Но Безусяк понял, кого она имела в виду, и ответил:

– Почему нет? Можешь прямо сейчас, если в состоянии.

Катя с помощью подбежавшей медсестры поднялась и сказала Безусяку:

– Я буду в состоянии через час. Завтра у меня не будет времени. Вы не могли бы сказать, чтобы меня пропустили к нему беспрепятственно?

Безусяк тут же дал по телефону указание дежурному отделения пропустить ее к убийце в сопровождении кого-нибудь.

Катя наврала Коле, что Безусяк попросил ее отвезти в милицию фотографии отца с матерью. Дома она обернула носовым платком свой дамский пистолет, подаренный мужем, и сунула его в сумку, прихватив для отвода Колиных глаз фотографии. Его она попросила подождать ее в машине, что он и сделал, ни о чем не подозревая.

– Разве твою сумку не проверили?

– Даже не пытались. Дежурный, узнав, кто я и к кому иду, передал меня тому самому охраннику. Тот, услышав, что я хотела бы взглянуть на тебя, спросил с усмешкой: «И только? Пушку не одолжить?» Я еще не сразу догадалась, что он имел в виду револьвер. Когда сообразила, то ответила, что найду, чем убить. Он со смехом поинтересовался, чем, не обойдясь, естественно без хамства. Я спохватилась, что сморозила, и сунула ему пятьдесят рублей. Он тут же провел меня в камеру. Остальное ты знаешь.

– Кто, кроме дежурного и охранника, видел тебя в здании?

– В конце коридора у окна курил один милиционер, но он, по-моему, не смотрел на нас.

– Мог и следователь быть продажным, – сказал Коля. – Но не будем сейчас ломать над этим голову, а отложим подозрения в уме и будем знать, что с ментами нам не по пути.

– Такого поведения я не ожидал от них, – сказал Мч. – У меня милиция ассоциируется с ее характеристикой Маяковским: «Моя милиция меня бережет».

– А говоришь, ничего не помнишь, – в голосе Коли послышались подозрительные нотки.

– Лучше бы я помнил не это, а что-нибудь о себе, – ответил с грустью Мч. – Я и милиционера дядю Степу помню, вот только не знаю, где и когда конкретно читал Маяковского и Михалкова. Догадываюсь, что в школе, а в какой, не помню. Я себя открываю, как и мир, в котором оказался. На своей шкуре я успел испытать жестокость людей и в то же время был

согрет их добротой. И вашей, в том числе. О себе я точно знаю, что не могу грабить, воровать и просить милостыню, скорее умру. Поэтому и буду цепляться за вас до последней минуты. Если, как Катя сказала, меня объявят в розыск и покажут по телевизору, без вас меня схватят в первый же день.

– Знаешь, как они тебя там описали? – спросила Катя. – Как в романе. Высокий кудрявый блондин с голубыми глазами в сером свитере и синих джинсах.

– Представляю, сколько человек они схватят с таким описанием, – усмехнулся Коля и спросил у Мч: – Он действительно был похож на тебя? Или все дело в твоих кудрях, которые сейчас не носят, и поэтому все в первую очередь пялятся на них? Если он твоей комплекции, то спокойно мог быть в твоем парике.

– Насчет того, очень ли он похож на меня, не могу сказать определенно, так как видел себя всего один раз мельком в зеркале. Любе было интересно, узнаю я себя или нет. – Он спохватился и незаметно глянул на Катю. Она сидела, закрыв глаза, и ему захотелось извиниться, но он решил не заострять на этом ее внимание. – О том, что он похож на меня, я подумал, когда он уже уехал. Возможно, Коля, ты прав, и все дело в моих волосах. Именно они могли натолкнуть меня на мысль, что я его где-то видел, а видел я до него только Федора Николаевича и себя. Тот, кто подбирал для него парик, хорошо меня знал.

– Не понял, ты, что себя в зеркале не узнал? – удивился Коля.

– Узнают, когда помнят. Это было ни с чем несравнимое и страшное чувство. Я ведь мог оказаться каким угодно.

– Ты себе понравился? – поинтересовалась Катя, больно напомнив Мч Любу.

– Этот же вопрос мне задала твоя мама, но папа не дал мне ответить. Сказал, что я должен принять себя таким, каков есть. – Мч улыбнулся, вспомнив сказанное при этом лесником. – Да я и ответить тогда не мог, потому что мог сравнить себя только с твоим отцом. – А сейчас я могу ответить. По сравнению с милиционерами я выгляжу не хуже, а вот в сравнении с Колей мог бы быть красивее.

Осветив салон машины ослепительно белой улыбкой, Коля заметил самодовольно:

– Сравниваться со мной – дохлый, ёклмн, номер. Меня даже хотели в кремлевскую охрану направить, но по росту не подошел. Но я все-таки не представляю, как это ничего не помнить. Бывает, спьяну не помнишь, что было вчера, но поднатужишься и вспомнишь, сколько выпил и кого трахал.

– Коля, не хами, – сказала Катя. – Трахальщик мне еще нашелся.

– Когда я сидел у костра и напрягал до боли в висках память, это походило на то, как если бы смотреть на небо, знать, что там солнце, облака, птицы летают, но ничего этого не видеть. Вот и сейчас я знаю, что у меня есть или были отец и мать, может, есть брат, как ты или сестра, как Катя, возможно, есть жена и дети, знаю, что сам когда-то был ребенком, ходил в школу, где-то работал, но ни о чем об этом не имею представления. Мне было бы легче, если бы я только что родился, пусть даже в этом возрасте. Федор Николаевич определил, что я не из рабочих, жил, скорее всего, в деревне, раз умею пилить и колоть дрова. Он разрешил мне выстрелить их ружья и сказал, что я служил в армии, раз умею хорошо стрелять. В милиции я узнал, что еще неплохо дерусь. Если бы не маленькая камера, они бы меня не уложили.

– Мог служить в воздушно-десантных войсках или в спецназе, – предположил Коля. – Думаю, нам это не помешает. – Он притормозил и свернул к небольшому дому за невысоким забором. – Приехали. Наш с Катюхой дом детства. Вся моя жизнь прошла здесь. Все в первый раз тут было. В этом смысле я счастливее тебя. Все помню. Но я уверен, что и к тебе вернется память.

Пока Коля ставил машину в гараж, Катя отвела Мч в дом. Он был пуст, Катя рассказала, что Колину маму сегодня отвезли в больницу.

– Услышала про папу с мамой, упала без сознания, а когда отвезли в больницу, и она пришла в сознание, то сказать ничего не может, только укает, ничего не поймешь. Врачи говорят, может и не пройти. Коля очень переживает, но не показывает вида. – Катя помолчала и, взглянув на Мч, вздохнула. – Не в добрый час свела нас троих судьба. У каждого свое страшное горе.

Только сейчас Мч рассмотрел ее. Два почти подряд горя высосали из нее все соки. И было удивительно, как она еще держалась. На бледном без единой кровинки лице лихорадочно горели за слипшимися ресницами глаза, которые она держала широко раскрытыми, чтобы высушивать постоянно набегавшие слезы. Мч поймал себя на том, что ему захотелось обнять ее и прижать к груди.

Вошедший Коля первым делом позвонил в больницу. Услышав, что положение матери не ухудшилось, он повеселел и отправил Катю на кухню, а сам повел Мч показывать дом.

– Пока не найдем твоих, поживешь здесь. Удобства я сделал не хуже городских: душ, туалет по-маленькому – все дома. По-большому – не барин, – сбегаешь во двор. А сейчас можешь по быстрому ополоснуться, пока мы приготовим на кухне. Мы с Катюхой ведь еще не поминали.

Мч прошел в крохотную душевую кабину с зеркалом во всю стену и прислонился к нему, не в силах оторваться. Все тело налилось раскаленным свинцом. Опять разрывался мочевой пузырь.

Раздевшись, он оглядел себя. Спина, бока и особенно талия были в фиолетовых пятнах, но лицо было почти не тронутым, не считая разбитой губы от падения в сарае. Лелькин пообещал продолжить избиение завтра, если Мч за ночь не надумает подписать протокол. А теперь сам на грани жизни и смерти. Хоть бы остался жив, подумал Мч, все меньше будет висеть на мне трупов.

Душ сбросил с него несколько десятков килограмм. Коля и Катя уставились на него.

– Ну-у, – оценил Коля удовлетворенно. – Совсем, ёклмн, на человека похож. Такого не стыдно и за стол посадить. Садись.

На столе стояли уже налитые пять рюмок. Две были накрыты кусочками черного хлеба. Коля поднял свою рюмку и сказал:

– Кто их убил – сейчас вопрос второй. Сейчас у нас с Катюхой нет ничего важнее, как помянуть их. А ты, – он остановил на Мч посуровевший взгляд черных, как антрацит, глаз, – если их не убивал, можешь к нам присоединиться. В случае чего она сама не пойдет тебе в глотку.

Мч выдержал Колин взгляд и выпил вместе с ними. Заплакавшая Катя никак не могла сделать глоток. Мч дождался, когда она выпила, и сказал:

– Вы должны знать, что у меня не будет жизни в двух случаях: если я не узнаю, кто я, и если не докажу в первую очередь вам, что не я убил Катиных родителей и стрелял в милиционеров. К сожалению, прибегая к вашей помощи, я подвергаю вас большой опасности. Но я постараюсь, чтобы она была минимальной.

Коля усмехнулся в черные усы.

– О себе ты ничего не помнишь, а разъякался: я, я – головка от х… Жизни у него, видишь ли, ёпрст, не будет. А у нас ее уже нет. Вон, что с Катюхой стало, смотреть страшно. Ты бы видел ее всего полгода назад. Я – ее двоюродный брат, родная кровь, как говорится, не положено, а не мог оторвать от нее глаз и всех девок по ней равняю. Да я, пока не увижу опять улыбку на ее лице, которую ты еще не видел, думаешь, смогу спокойно жить? Так что не якай, а похороним и займемся вместе поиском убийц. А ты за это время приди в себя, и обдумай, с чего лучше начать поиски.

– Я тоже хочу, я просто обязан быть на похоронах, – испугался Меч, – они мне тоже как родные. Мне бы парик какой-нибудь и одежду эту сменить.

– Мне бы, хозяйка, водицы испить, а то жрать хочется и переспать не с кем, – поддел Мч Коля. – Это я так шучу, не обижайся. Парик сделаем. Главное, отрезать твои лохмы. Сейчас они у тебя, правда, причесаны и совсем другое дело, даже жалко отрезать, но завтра будет опять то же самое, поэтому лучше избавиться от них.

Катя окинула Мч взглядом и попросила Колю:

– Посмотри у матери парики, которые я ей дарила.

Коля принес из спальни пакет и вытряхнул несколько париков на стол.

– Вот этот черный ему подойдет, – сказал он. – Будет, как я. У тебя быстро растет борода?

– Смотри сам. Очнулся я ночью, а когда брился, не знаю.

Коля скривился:

– Жидковато, не то, что у меня. Ах, да, ты же, ёклмн, блондинистый. Но у тебя еще есть двое суток. Кое-где подкрасим, кое-где подлепим, и мать родная не узнает. Ты и ее не помнишь?

Мч покачал головой и проговорил с грустью:

– Больше всего на свете я хотел бы вспомнить ее.

Катя выбрала фиолетовый парик и надела ему на голову.

– С твоей талией и ресницами неплохая модель может получиться.

– Ага, – усмехнулся Коля. – Чтобы кобели на него глаз положили и пощупали между ног.

Мч робко вмешался:

– А нельзя ли из меня сделать старика? Вот этот белый парик, если его измазать сажей, мог бы сойти за седой.

– Завтра привезу к тебе свою подругу Оленьку, – сказал Коля. – Она работает в парикмахерской, бабушка у нее бывшая актриса, она тебя в кого угодно превратит. Хоть в старика, хоть в старуху.

Никто из них спать не мог, и они перешли в гостиную посмотреть последние местные теленовости. И сразу увидели Мч во весь экран. Он был сфотографирован еще до избиения и выглядел более или менее нормально. Но уже тогда его глаза были, как у загнанного зверя. Глядя на себя, он удивился: «Как это мне с такими глазами удалось уговорить Катю поверить мне?»

– Как видите, – говорил за кадром женский голос, – преступник, на счету которого три убийства и один тяжело раненый, действительно выглядит привлекательно для женщин. На вид ему около тридцати лет, он высокого роста, крепкого спортивного телосложения, одет в серый вязаный свитер без воротника, синие джинсы и коричневые туфли. При встрече с ним следует быть предельно осторожным. Он вооружен и очень опасен, а специально для девушек подчеркиваю, и коварен, о чем нам говорил и еще раз напомнит майор Безусяк.

Появившийся на экране майор, глядя в камеру, заговорил назидательным тоном: «Еще и еще раз хотел бы высказать убедительную просьбу к телезрителям. Если вам случайно встретится этот человек, ни в коем случае не вступайте с ним в контакт и немедленно сообщите в милицию. Особенно это относится к молодым женщинам, на которых неотразимо действует его внешность, как это произошло даже с дочерью убитого лесника. Ей, если она сейчас смотрит телевизор, я бы настоятельно порекомендовал запереть на ночь покрепче двери и никого не впускать в дом».

В гостиной невольно нависла неприятная для Мч тишина, которую прервал Коля:

– Ой, как страшно, ёклмн, усраться и не жить. – Катя с укором взглянула на брата. – Отступать нам, Катюха, уже некуда, позади, как говорится, Москва.

– Эти слова принадлежат Клочкову, – сказал Мч.

– Не понял, – поднял сросшиеся черные брови Коля. – Катюха, ты слышала, это сказал какой-то Клочков. Кто он, не знаешь?

– Не помню.

– А я хорошо помню, – Мч так радовался, что они невольно улыбнулись. – Он был политруком и сказал эти слова, а точнее «Велика Россия, а отступать некуда. Позади – Москва» своим солдатам-панфиловцам, защищавшим в сорок первом Москву под Волоколамском. Их было всего двадцать восемь человек. Они погибли, но немецкие танки к Москве не пропустили.

Катя легла в спальне. Коля уложил Мч на своей кровати, а сам устроился в приставленном к двери спальни кресле. Мч видел, как он сунул себе под подушку Катин пистолет, и не осудил его за это. Мне еще не раз придется доказывать, что я не убийца, с горечью подумал он перед сном.

***

Утром после завтрака Коля уехал в дом лесника за документами. Он хотел взять с собой Катю, но она отказалась. Мч догадался, что она осталась, чтобы поговорить с ним наедине. Видя, что она не решается начать, он сам спросил, какую просьбу она имела тогда в виду.

– Я знаю, кто убил моего мужа, – сказала она, – вернее, кто нанял киллера. Я хочу, чтобы ты его убил.

– Ты абсолютно уверена, что именно он нанял киллера? – спросил ошарашенный Мч. – Какие у тебя доказательства?

– Он не такой дурак, чтобы они были. Но я знаю, что это сделал он. Больше некому. Он занял место Павла.

Мч не знал, что ответить. Видя это, она растерялась.

– Но ты же обещал. Я тебе помогла бежать и помогу отыскать твой дом.

– Я должен убедиться, что именно он заказал убийцу. И… – Мч хотел сказать, что не представляет, как сможет убить человека.

Катя нахмурилась, и на ее нежном лице появилось решительное выражение.

– Тогда я его сама убью, если ты не хочешь. Колю я не хочу сюда вмешивать, хотя, я уверена, он не отказался бы. Вот похороню и убью. Раньше я хотела сделать это незаметно, чтобы не попасться, и никому не говорила. А теперь мне все равно. Подойду к нему и выстрелю.

– Не думаю, чтобы это было так легко подойти и выстрелить. Не каждый способен на это.

– А я смогу. – Катя поднялась со стула. – Не хочешь, не надо. Тогда и на мою помощь не рассчитывай. – В ее голосе звучало разочарование.

Она отошла своей редкой походкой к окну, показывая, что Мч ее больше не интересует. На ней был легкий короткий халат. При слегка откинутой маленькой голове, узких приподнятых плечах и длинных ногах ее большой живот казался театрально приставленным. Ему стало невыносимо жаль ее. Он тоже поднялся и, подойдя к ней, проговорил с нежностью:

– Ты должна думать о ребенке. Сначала мы должны найти убийц твоих родителей по свежим следам. Я обещаю тебе, что сделаю все, чтобы отыскать и убийцу твоего мужа. Если я буду уверен в этом, то я не пощажу его.

Она подняла глаза и внимательно на него посмотрела.

– Не говори Коле о нашем разговоре. Он еще мальчик.

– Ты-то сама, кто? – Он попытался улыбнуться.

– Я? – округлила она глаза и провела рукой по животу. – Почти что мать.

– Вот и сохрани своего ребенка. Как память о любимом муже. – Слово память напомнило ему о его собственной беде. Он сгорбился и направился к двери. – Я выйду покурить.

Очевидно, она догадалась, и вскоре пришла к нему, за что он был ей благодарен.

В этот момент подъехал Коля и отчитал Катю:

– Он мог забыть, но ты, ёклмн, должна знать, что такое деревня. Через пять минут, как он выйдет во двор, бабы будут знать о нем. Мы сейчас уедем, а ты, – ткнул он пальцем в Мч, – будешь выходить только, когда приспичит по большому и тысячу раз посмотри вокруг, не видит ли тебя кто. Понял?

Мч кивнул.

Оставшись один, он включил телевизор и сразу увидел, насколько изменилась его страна. По одной программе показывали благородных американских солдат, спасавших вьетнамских женщин и детей от жестоких вьетнамцев с красными звездочками на фуражках, в то время как в сознании Мч тотчас возникла вьетнамская деревня Сонгми, сожженная американцами дотла вместе с теми же женщинами и детьми. По другой программе говорили и показывали беспризорных детей, занимавшихся проституцией. Мч показалось, что репортер был больше озабочен не бесчеловечной жестокостью самой темы, а показом голых детей и сцен насилия над ними. Интерес к половой теме чувствовался абсолютно на всех каналах. Увидел Мч впервые и совершенно голые пары, открыто занимавшиеся половым сношением, почему-то называемым в фильмах любовью, с чем Мч не мог согласиться. В его понятии любовь была самым благородным и святым чистым чувством, а то, чем занимались на экране, не зная имени друг друга, было обычной случкой или по-простонародному блядством. Сексуальная тема была основной и на концертах. Все без исключения певицы и танцовщицы были в пляжных костюмах, едва прикрывавших сиськи и письки. Зато Мч не запомнил ни одного голоса и ни одной мелодии. Петросян под хохот публики рассказывал про бабкин дымоход.

И уж совсем ничего Мч не понял в бесконечных рекламах, кроме того, что надо брать от жизни все.

Зато он понял, что ему долго придется привыкать к этой чужой и не очень приятной жизни, в которой он оказался не по своей воле.

Выключив телевизор, он стал искать книги. Ему повезло. В коридоре он наткнулся на книжную этажерку в основном со школьными учебниками. Некоторые из них он узнал по обложкам и одному этому обрадовался. Он просмотрел учебники старших классов, с удовлетворением отметив, что совсем неплохо знает школьную программу, а некоторые стихи помнил наизусть. Читая «Мцыри» Лермонтова, он то и дело отрывал от текста глаза и продолжал читать по памяти. Наизусть он помнил все три приведенные в учебнике стихотворения Есенина и отрывок из «Анны Снегиной», но совсем не знал стихи Пастернака и Бродского. Стихи последнего поразили его необычностью формы, похожей на прозу, но не запомились.

Обложку учебника истории он не помнил и просмотрел его с конца, где восхвалялись успехи перестройки и установления демократии в стране. Советский Союз еще был, и Горбачев говорил о необходимости его реформирования. Мало что узнал Мч о происшедших в стране изменениях и из нескольких номеров газеты «Лесковские ведомости», состоявших в основном из криминальной хроники. Ими оказалась подборка заметок об убийстве Павла Краснова, Катиного мужа. С фотографии, приведенной в первой заметке, смотрел молодой человек с приятным волевым лицом, сидевший за директорским столом. В тексте говорилось, что убийство произошло при выходе Павла из зубной частной клиники. О том, что он туда поедет, знали лишь несколько приближенных человек, отчего корреспондент предположил, что сообщника убийцы надо искать среди них, в первую очередь среди телохранителей. Убийство твердо связывалось с производственной деятельностью Павла. Два месяца назад на него уже покушались, выбив из руки выстрелом зажигалку. До сих пор следователи гадают, был ли это досадный промах киллера или акт устрашения, намекавший, что в следующий раз пуля снайпера такого экстра класса настигнет его где угодно, если он не будет сговорчив. Как и произошло вскоре.

О том, кто угрожал Павлу и что от него требовали, в заметке не было сказано ни слова, словно это было и так ясно.

В последующих номерах ничего нового для себя об этом деле Мч не вычитал, разве что описание похорон и в чем была одета Катя. Еще он узнал, что дело об убийстве Павла вел следователь прокуратуры Есаков, единственный, кто заявил, что заказчик убийства Павла когда-нибудь будет найден. Что касается непосредственного исполнителя, то, по мнению следователя, его, скорее всего, уже нет в живых.

Потрясла Мч ежедневная хроника криминальных событий как самими страшными фактами, так и бесстрастным их изложением, словно речь шла о всякой всячине. Внук, страдая от похмелья, дождался, когда бабушка уснула, взял топор и тяпнул ее по затылку. Затем он вынул из ее длинных с резинкой трусов спрятанную пенсию, и жизнь опять радужно засияла перед ним. Здесь все было кощунственно: и тяпнул и трусы с резинкой, и радужное сияние жизни. Или жена знала, что муж перед тем, как заняться с ней любовью, заставлял возбуждать себя пятилетнюю дочь, и лишь следила, чтобы он не зашел слишком далеко. Лишь, когда он зашел не только далеко, но и глубоко, она заявила в милицию. Здесь, по мнению Мч, было даже не кощунство, а хуже фашизма, хуже чего, как он считал, ничего не могло быть. Оказывается, стало.

Отложив газету, Мч опять задумался. Он не представлял, как сможет войти в эту уродливую жизнь, и не очень хотел этого. Его держала в ней счастливая для него встреча с Катей и Колей, поверивших, что он не убивал ее родителей. При первой возможности он все равно попытался бы убежать из отделения милиции и отыскать Катю, но их встреча могла бы закончиться для него трагично. Если он только выиграл от встречи с ними, то для них она грозила большими неприятностями со стороны милиции. А этого он не хотел.

Они приехали к обеду. Коля сообщил, что похороны состоятся завтра, как и положено у христиан, на третий день, включая день смерти, а Катя добавила, что в пять часов его ждет Аристарх Викентьевич, тот самый волшебный доктор, о котором говорила ее мама.

***

Доктор оказался маленьким седеньким старичком с добрым взглядом, мягким голосом и цепкими пальцами. В дороге Коля рассказал, что Федор Николаевич разрешал доктору удить в заповедных водах, где до появления особняков водилось много рыбы, и весть об убийстве лесника сильно его расстроила. Вчера доктор тоже смотрел ночные новости, но просьбу посмотреть того самого убийцу воспринял спокойно и с профессиональным интересом.

При знакомстве с Мч доктор взглянул на него так же дружелюбно, как и на Катю с Колей. Проведя их в свой врачебный кабинет, в который была переделана одна из комнат его деревенского дома, он спросил Мч совсем не о том, чего тот ожидал:

– Ребра сильно беспокоят? Покажи, где. – Мч провел руками по бокам, задержав на животе и пояснице. – Пройди-ка, дружок, за ширму.

Там в углу стоял рентеноаппарат. Доктор велел Мч снять свитер с футболкой и, ощупав его со всех сторон, удивился, как это он еще умудрялся ходить.

Еще больше удивил его рентгеноосмотр, о результатах которого он сообщил Кате и Коле, выйдя к ним. Мч услышал, что у него два ребра поломаны и два вывихнуты и, что совсем плохо, отбиты почки.

Вернувшись к Мч, доктор посоветовал ему кричать, если будет невмоготу.

Но к боли Мч уже привык и лишь задерживал дыхание, но она стала постепенно ослабевать, и он, когда доктор его отпустил, вышел из-за ширмы, не в силах сдержать радость. Все еще не веря, он коснулся рукой боков и сделал телом круговое движение, затем присел

на одной ноге. Появившийся сзади доктор велел с этим повременить, а обязательно соблюсти постельный режим с регулярным приемом микстуры, которую тут же стал прописывать, усевшись за свой стол.

– Ты, говорят, еще и на память жалуешься? – спросил он как бы невзначай. – А ну-ка ответь, не задумываясь, сколько будет семью восемь?

– Это-то я все знаю, – вздохнул Мч. – Могу, если хотите, назвать до семи знаков число «пи» и прочитать с десяток стихотворений. Сегодня я просматривал Колины учебники и обнаружил, что неплохо знаю школьную программу. А, перелистав учебник истории, я пришел к выводу, что помню ее приблизительно до прихода к власти Горбачева. Хорошо помню его самого, как сказал Федор Николаевич, с заплаткой на лбу. А мы, я помню, ее называли чернильной кляксой. Помню и его перестройку, а вот чем она закончилась, я узнал уже в эти два дня, но лучше бы не узнавал.

– Не узнал, а испытал на своей шкуре, – уточнил Коля.

– О себе ты не помнишь ни до, ни после перестройки?

– Что было в стране до нее, помню все прекрасно и чем дальше от нее, тем лучше. И абсолютно ничего не помню, что было после нее. А о себе вообще не имею представления. Как будто меня вообще не было. Уж лучше бы я не стихи, а о себе что-нибудь помнил.

Было видно, что слова Мч озадачили доктора. Задумавшись, он вскидывал в такт мыслям белые кустистые брови и разводил в стороны руки. Наконец он поднялся.

– Не будем терять время. Пересядь-ка вон туда и, – голос доктора стал на несколько тонов выше и гуще, заполнив собой кабинет, – постарайся расслабиться. Сейчас ты будешь видеть только меня и слышать только мой голос, ничего и никого больше. Ты уже чувствуешь себя удивительно легко. Ты стал удивительно спокоен. Тебе действительно хорошо?

– Да, – ответил Мч, нисколько не солгав. Ему и вправду стало изумительно легко, словно он стал парить в воздухе, как Леонов в открытом космосе.

– Вот и прекрасно. Сейчас при счете три ты заснешь, а когда проснешься, память к тебе вернется, и ты будешь все помнить о себе.

Доктор подошел к Мч и повел перед ним руками, словно погладил по волосам, однако не касаясь их. Вдруг он легко ударил двумя пальцами Мч по лбу. Голова Мч слегка откинулась назад, руки безвольно повисли, и он перестал себя ощущать, совсем, как в лесу до пробуждения. Очнулся он так же, как тогда, будто вынырнул из воды, только на этот раз не в ночную темноту и тишину, а в дневной свет и уличный шум. Перед собой он увидел старенького доктора, а за ним Катю и Колю. В первый момент оттого, что сразу узнал их, он несказанно обрадовался, увязав это с возвратом к нему памяти, но ему не понравилось, что доктор выглядел очень озабоченным и даже растерянным, а Катя и Коля смотрели на него слишком напряженно.

– Как ты, дружок, сейчас себя чувствуешь? – услышал он мягкий голос доктора.

Уже догадавшись, что чуда не произошло, Мч постарался ответить не слишком уныло, чтобы еще больше не расстроить доброго доктора:

– Хорошо.

– А песню ты все еще слышишь?

– Песню? Какую песню?

– Про судьбу воровскую. Ты слышал ее наряду с моим голосом. Значит, больше не слышишь? – Доктор развел и бросил на стол руки. – Вот какое дело, дружок. Выходит, не сумел я ничем тебе помочь, как ни старался. Они не дадут соврать, – он указал глазами на Катю с Колей. – Слаб я в коленках оказался. А причина тому – песня, которую ты слышал. Коля, как это в ней поется про рай?

– «Все мы ходим под богом, но не всех примут в рай», – пропел Коля. – Известная песня Ивана Кучина.

– Не знаю, кого имел в виду твой Иван Кучин, но в отношении нас, врачей, он прав, если перефразировать его так: «Все мы давали клятву Гиппократу, но не все мы имеем право называться врачами». Мне бы взглянуть в глаза того мерзавца, кто сотворил такое с нашим дружком.

– Ох, как он испугается вашего взгляда, Аристарх Викентич. Сейчас пулей не каждого напугаешь. Только гранатометом. А, в принципе, Аристарх Викентич, возможно вернуть ему память?

– В том-то и беда, Коленька, боюсь, что вернуть ее сможет только тот, кто ее отнял. Однако я очень сомневаюсь, что он согласится сделать это добровольно.

– Значит, надо его найти и силой заставить вернуть память. Как выдумаете, Аристарх Викентич, кто-нибудь из ваших здешних знакомых докторов мог это сделать?

Доктор вскинул по-лошадиному голову и стал задумчиво щипать бородку.

– Тут, Коленька, должен быть гипнотизер, который хорошо разбирается не только в медицине, но и в физике, радиотехнике и электронике, к примеру, как ты в машинах. Кроме того, он должен быть глубоко безнравственным человеком.

– Не обязательно, Аристарх Викентич. Достаточно любить деньги или очень нуждаться в них. Сейчас людьми правят деньги, а не мораль.

Улыбнувшись, доктор чмокнул и облизал губы.

– Хорошо, Коленька, знаю, как пагубно воздействуют на души людей деньги, особенно навязанные нам со стороны зеленые доллары. Если исходить из этой твоей теории, то был у меня один такой ученик, насколько талантливый, настолько корыстолюбивый и нечистоплотный. Быстро ухватив у меня азы лечебного гипноза, он тут же поставил его на коммерческую основу, проводя опыты со зрителями, обучая иностранным языкам, не зная их, занимался усилением памяти и всякого рода внушениями под видом лечения, короче, одурачивал людей, как мог, проявляя изобретательность. Для обучения языкам он использовал магнитофон с записью лекций уроков. – Доктор замолчал и уставился на Мч. – Усилением памяти… Постой-ка, дружок, постой. Он ее не только усиливал, но и отнимал, а это уже похоже на твой случай. Во время суда над ним выяснилось, что он лишал памяти соблазненных им женщин, чтобы они не выдали его.

– Не понятно, как он мог погореть, если они его не помнили?

– Все тонкости, Коленька, я не знаю, но слышал, что одна из них оказалась не то женой, не то дочерью очень высокого начальника, который засадил его надолго. Вот уже лет семь о нем ни слуху, ни духу. А мог бы достичь многого. Он много читал о различных способах воздействия на мозг человека с целью управления им, в том числе на расстоянии, пытался даже ставить опыты на нищих. Бомжей тогда еще не было. Тогда много чего не было не только хорошего, но и плохого. – Доктор помолчал и крикнул Коле. – Борька мог! Если бы он объявился здесь, я бы подумал в первую очередь о нем. А остальные – нет, слабоваты, как я. Однако, учитывая твою философию, я проведу расследование насчет всех своих учеников. Одновременно постараюсь связаться со своими коллегами в Москве. С такими случаями, как у нашего дружка, они обязательно встречались. В любом случае, в беде я его не оставлю.

– Вы упомянули про законы физики, как я понял, из-за песни. Так я и в радиотехнике разбираюсь. А что если во время вашего гипноза запустить «Судьбу воровскую» задом наперед и таким образом стереть ее влияние?

Доктор растянул в усмешке красноватые губы и закачал головой.

– И мне прикажешь говорить задом наперед? Шучу, Коленька, шучу. Если даже предположить, что идея твоя верна, в чем я сильно сомневаюсь, хотя я и не техник, то, как ты подберешь один в один громкость, высоту, тембр, частоту и что там еще, не знаю? Методом тыка? Полагаю, что легче найти иголку в стоге сена. Я, Коленька, думаю, тут не только в песне дело, а в чем-то еще. Однако не будем преждевременно пугать нашего дружка.

Мч отозвался:

– Пугаются, Аристарх Викентьевич, когда боятся что-то потерять. А я уже все потерял, наверное, и ум. Я ничего не понял. Причем тут песня про воров? Поясните, пожалуйста, что со мной все-таки сделали, и что произошло в моем мозгу?

Доктор внимательно и с отеческой добротой посмотрел на Мч.

– Таких, как ты, пациентов, дружок, я уважаю. Обычно наша задача усложняется тем, что мы всячески хитрим перед вами, скрывая истинную историю болезни, чтобы вас не расстраивать лишний раз. С тобой в этом смысле легче. Конечно, ты не первый, потерявший память. Болезнь эта называется типичной амнезией. Были и у меня подобные пациенты, и практически всем я возвращал память. Был уверен, что верну и тебе. Ан, нет, не сумел. Слишком изощренно над тобой поработала какая-то сволочь. Обычно попадаются больные с полной потерей памяти или только на определенное событие, предшествовавшее непосредственно какому-либо воздействию на мозг, к примеру, его сотрясению во время аварии. Все чаще стали приходить потерявшие не только память, но и родной язык. С такой же выборочной потерей памяти лишь в отношении автобиографии и определенного периода жизни при сохранении прочей памяти и умственных способностей, я не сталкивался и не слышал об этом от своих коллег. О нечто подобном я читал, но это относилось к деятельности спецслужб. К примеру, американское ЦРУ уже давно практикует с помощью психотропных средств и гипноза вырезание участков памяти у возвращавшихся с задания шпионов, а при их засылке на задания, напротив, наращивает в мозгу слой памяти с другим «я», на случай провала и обработки детектором лжи. При этом последний слой так конспирируется, что открыть его может только тот, кто знает ключ к расшифровке. В последнее время для достижения лучшего эффекта, помимо наркоза и гипноза, используются всевозможные побочные средства воздействия на мозг, такие как электро- и ультра звук, электроимпульсы, выстрелы, газы, яркий свет и кто в чем больше силен. Я боюсь, что ты, судя по слышанной тобой песне, как раз был подвергнут электрозвуковому воздействию с использованием обычного магнитофона. Конечно, если исходить из сугубо государственных интересов, как было раньше, наиболее правильным было бы сообщить о тебе в наше КГБ или, как оно там сейчас называется, кажется, тоже ФБР, как в Америке, мы сейчас у них все копируем, что надо и не надо. Я говорю тебе об этом не в том смысле, что подозреваю тебя в чем-то нехорошем, а в том, чтобы остановить того или тех, кто занимается проведением подобных опытов над людьми.

– Это исключено, – отрезал Коля. – Пока на нем висят трупы, сообщать о нем никуда нельзя. Поэтому у нас к вам, Аристарх Викентич, убедительная просьба никому о нем не говорить, в том числе и той падле, которая отняла у него память, если вы вдруг с ней столкнетесь.

Доктор закивал головой.

– Да, да, Коленька, понимаю. Мне бы только ее… э… его найти. А как не причинить вреда нашему дружку, я уж как-нибудь придумаю, что сказать. У меня к тебе тоже просьба, так сказать, личная. Ты не дашь мне послушать этого Кучкина? Признаюсь, питаю слабость к тюремным и блатным песням с тех пор, как побывал там.

– Там, это… – замялся Коля.

– Да, да, в тюрьме или, как сейчас о тех временах говорят, в ГУЛАГе.

– Чем не угодили власти?

– По детской глупости, Коленька, даже стыдно сознаться. Не угодил мне живой вождь тем, что не был так доступен своему народу, как покойный, принимавший ходоков от крестьян. Надеюсь, ты понимаешь, что я имел в виду Сталина и Ленина. Так вот. Озабоченный этой мыслью, я, а мне в то время было четырнадцать лет, взял да и высказал эту мысль при соседе. Да еще добавил в виде резюме: «Ленин – без тлени, Сталин – засралин». Стыдно, а что поделаешь – хулиган был. И отправили меня за это на пять лет в детскую колонию, а отца – на десять лет а лагеря. Н… да, такие вот были времена, Коленька. Но, как говорится, что бог

ни делает, все к лучшему. Я ведь там этому своему ремеслу обучился у преподавателя, а отец был награжден орденом за вакцину против гангрены. Как раз война шла, и ее широко использовали в госпиталях. Из-за него и меня раньше на год выпустили. Помню, я не хотел со своим учителем расставаться.

Коля пошел за кассетой, ушла с ним и Катя, а взволнованный рассказом доктора Мч остался.

– Аристарх Викентьевич, как вы понимаете, я очнулся совсем в другой стране. От того, что я услышал и с чем уже столкнулся, не скрою, я в ужасе, и поэтому все то, что я помню, мне кажется чистым и безоблачным. Я понимаю, что я не пережил того, что пережили вы, поэтому у меня на то время могут быть розовые очки. Вы, испытав на себе отрицательные стороны той власти, совсем другое дело. Кроме того, вы пожили в новом строе, не то, что я, чуть больше суток. Скажите, как вы оцениваете происшедшие в стране изменения и прежде всего распад СССР?

Доктор прищурился и спросил Мч с едва заметной усмешкой:

– Это ты потому меня спросил, что я тогда сидел?

Мч покачал головой.

– Нет, не поэтому. Я буду всех расспрашивать, пока не докопаюсь до истины. Многое я узнал от Федора Николаевича. Но он другое дело, он рабочий, а вы – представитель интеллигенции, которая активно участвовала в этих изменениях.

– Хочешь сказать, что я не народ, как он? Интеллигенция, дружок, тоже разная. Я всю жизнь прожил в этой деревне. А есть такие интеллигенты, которые в ней ни разу не были. У них даже шутка такая сейчас в ходу: не пойти в народ, а вляпаться в него. О народе такие политики вспоминают лишь во время выборов, а, придя к власти, тут же забывают о нем. Это мы видим по нынешней власти в стране. Я хорошо представляю, что мог тебе сказать Федя. Мы с ним на эту тему много говорили. – Доктор горестно помолчал. – А ведь я его предупреждал. Вот уж кто был истинно бесстрашным до бесшабашности русским человеком, патриотом до мозга костей. Но такие, к сожалению, скоро исчезнут. Мы о чем? Ах, да. Как я оцениваю эти изменения? – Доктор задумался, разводя руками в такт мыслям. – Однозначно, дружок, я тебе на этот вопрос не отвечу, так же как и ты вряд ли сможешь докопаться до истины, потому что абсолютной она, как известно, не бывает. Тот факт, что СССР и советская власть, а не Америка и Запад, потерпели поражение, говорит сам за себя. Выходит, мы оказались слабее их. А вот в чем именно мы были слабее, – в этом весь вопрос. Сейчас приходится слышать, что социалистическая идея была плохой, бесперспективной и даже тупиковой. Хотя я не был коммунистом, но с таким утверждением никогда не соглашусь. И вот почему. Именно социализм позволил России совершить небывалый экономический, научный и культурный рывок в своем развитии и стать великой державой. Такой она никогда не стала бы при царизме и, видно, теперь уже никогда не станет при капитализме. Демократам эти суждения очень не нравится, но это исторический факт и никуда они от него не денутся. А сейчас даже стоит вопрос о существовании обломка великой державы – России. – Доктор тяжело вздохнул и пожевал губами. – Н-да, видно к этому все идет. А к тому, что ты перечислил, можно добавить еще немало других заслуг социализма. Главной из них я бы назвал то, что его присутствие в мире заставило капиталистов быть более гуманными к своим наемным работникам, что заметно улучшило там жизнь. За это они должны быть нам вечно благодарны. Не секрет, что идеи социализма владели умами многих выдающихся ученых и писателей в конце двадцатых и в тридцатых годов. Как сказал поэт Борис Слуцкий, если ты его помнишь: «К нам приезжали паломники, как в Мекку в былое время». Но были, дружок, у социализма, говоря языком врача, и болезни, которые при пренебрежительном отношении к лечению, а то и при прямом вредительстве врачей, как мы видим, привели к тотальному исходу. Под болезнями я подразумеваю не должное соблюдение

в Советском Союзе прав человека и гражданских свобод. Отсюда неизбежны были культ личности, репрессии против инакомыслящих, в том числе необоснованные. А в экономике основной болезнью, на мой взгляд, было неприятие частной собственности, формирующей навык рачительности и конкуренции, что только на пользу экономике.

– Вместе с тем мы были второй державой в мире.

– Были до поры до времени, пока болезнь не была запущена.

– А как дела в других странах, в Китае, например?

– Считай, что кроме него, никто и не остался, разве что Северная Корея и Куба. Эти совсем на ладан дышат после развала СССР. А Китай, ничего не скажу, не только держится, но и процветает, обгоняя по темпу роста все капиталистические страны. И это при полутора миллиардном населении. Мне трудно представить, чтобы капитализм смог прокормить столько населения. Вымирали бы не как мы по миллиону в год, а десятками миллионов, если не больше. А в Китае этого нет. И, вот что еще интересно. Там нет дефицита на промтовары и ширпотреб. Не только себя обеспечивают, а завалили весь мир своими товарами. И все потому, что китайское руководство оказалось во много раз умнее нашего, вовремя допустив у себя частную собственность под контролем государства. И мы бы могли тогда так сделать, сняв недовольство населения нехваткой товаров. А сейчас могли бы процветать, тем более с нашими богатейшими недрами, если бы не отдали их за бесценок, а то и задаром маленькой кучке избранных людей, как правило, криминального пошиба.

– Одним словом, вы оцениваете происшедшее в стране положительно?

– Не совсем так, дружок, а вернее, совсем не так. С неизбежностью распада СССР как империи я никогда не соглашусь. Я считал, а сейчас с каждым днем убеждаюсь все больше и больше в том, что распад СССР стал трагедией не только для русских, но и для всего человечества. Неприятнее всего, что этот распад сделали сознательно и преднамеренно сами руководители страны, за что я считаю их государственными преступниками.

– Вы имеете в виду Горбачева и Ельцина?

– Да, их. Оба одинаково виновны. Один подготовил развал страны, а другой его узаконил. Но я больше виню Ельцина. Одно утешение, что ему недолго осталось править. Я врач, я знаю. Ты уже слышал о нем?

– Да, от Федора Николаевича и Любы. Они его, мягко говоря, очень не любили. А я был в ужасе, увидев его по телевизору. Люба сказала, что вы его лечили, когда он был совсем плохим. Это правда?

Доктор засмеялся, отмахиваясь от Мч.

– От чего? Ум вставить? Кто разрешил бы? Такой он их больше устраивает.

– Кого их?

– Его окружение, семью, олигархов, демократов, либералов, для которых личное обогащение превыше блага России. Бог уберег меня от встречи с ним. Хуже я бы ему, конечно, не сделал из-за клятвы Гиппократу. А надо бы, учитывая, что он сотворил с Россией, заставив ее вымирать. Не знаю, обратил ли ты внимание, когда ехал ко мне, на заброшенные деревни.

– Обратил, а еще на то, что почти в каждой деревне построено по одному коттеджу. Чьи они?

– Новых землевладельцев. А живут в них их надсмотрщики, которые отслеживают освобождавшиеся участки. И в нашей деревне есть. Свой колхозный надел я им в аренду отдал, теперь ждут, не дождутся, когда умру, чтобы участок с домом забрать.

– Куда люди уезжают?

– Кто куда, а в основном на погост. Не знаю, кого там больше, старых или молодых. Всех Ельцин туда отправил. Сейчас его инициалами народ матом ругается и его именем. называет собак. И вот что важно, никто на это не обижается. Разве что демократы, которых народ ненавидит не меньше его, называя дерьмократами. А за Сталина, которого я тогда нехорошо обо-

звал, мой сосед кровно обиделся, потому что Сталина любили так, что слышать о нем плохое не могли. Не не хотели, а не могли, потому что душа не позволяла. Его было за что любить, несмотря на его жестокость, на что упирают демократы. Я в этом вопросе смотрю глубже. Даже простого человека оценивают в основном не по его внешности или характеру, а что он после себя оставил, к примеру, крепкую семью, построенный им дом, посаженное дерево. А о руководителе государства судят в первую очередь по тому, что он, в конечном счете, сделал для страны и своего народа. Сталин принял Россию с сохой и лучиной и оставил ее второй по могуществу державой в мире. И победил в самой кровавой войне в истории человечества, принеся ему спасение от фашизма. А Ельцин вслед за Горбачевым это государство под видом реформ уничтожил по указке нашего заклятого врага – Соединенных Штатов Америки. И сейчас все делает для исчезновения России как самостоятельного государства. Последствия его деятельности в народном хозяйстве в десятки раз превзошли последствия Второй мировой войны. Из нее тогда мы вышли еще более окрепшими во многих отраслях, а при Ельцине потеряли практически все. Промышленность, считай, полностью разграбили, деревня тоже, можно сказать, исчезла. Если бы только это. Ты еще не знаешь, что в паспорте, который ты получишь, не будет написано, что ты русский.

– Как это? – опешил Мч. – А кто я? Я только русский и другим себя не мыслю.

– По новому паспорту ты будешь никто или безликий россиянин. Все это преднамеренно сделано, чтобы исчезла именно русская нация. Естественно, я как русский человек против всего этого и живу надеждой, что на смену Ельцину придет молодой умный политик, думающий в первую очередь не о себе, а о народе, о сохранении и процветании России, наведет в ней элементарный порядок, чтобы богатые недра использовались не для обогащения кучки избранных, а на благо всех граждан, и тогда не будет нынешней пропасти между богатыми и бедными. Как это теперь сделать, я, честно говоря, не представляю, но уверен, что при умных политиках и законах это возможно, а главное, необходимо сделать.

– Но при сохранении существующего строя?

– Знаю, дружок, что тебе это неприятно слышать, но на данный момент отвечу положительно. О социализме в чистом виде и тем более о коммунизме, какая бы у них ни была прекрасная идеология, в обозримом будущем придется забыть. Может быть, лет через пятьдесят или сто она опять возродится, с учетом опыта СССР, но не сейчас. Однако не стоит так бояться капитализма. Весь цивилизованный мир живет при этом строе. У каждой страны своя специфика, и капитализм у всех разный. В Швеции он, например, с социалистическим уклоном, и шведы даже свой строй называют шведским социализмом. И в России капитализм должен быть свой, с учетом ее уникальности и опыта жизни при социализме. А мы скопировали капитализм, кстати, не самый лучший, у американцев, и вот что из этого вышло. Кроме как уродом, его никак не назовешь.

Так много поговорить с Федором Николаевичем я не успел. Но думаю, в этом расхождений у вас с ним не было. В чем он с вами не соглашался?

– В вопросах, которые его мало интересовали: о тех же гражданских свободах и частной собственности, о которых я упомянул. Но самое интересное, дружок, он меня и тут умудрялся забивать, доказывая, что от этих свобод простой народ ничего не выиграл, а выиграла опять же кучка избранных ловкачей. Взять ту же свободу слова, являющуюся едва ли не главным пунктом в правах человека, закрепленных в нашей конституции. Уж, как только сейчас в народе не ругают существующий антинародный строй, что о нем только не говорят. А богатые все больше богатеют, а народ продолжает вымирать по миллиону в год. Вон уже за первую десятку число миллиардеров у нас перевалило, в то время как три четверти населения по-прежнему живет в нищете. Получается, как по Крылову: «А Васька слушает да ест». – Доктор опять замолчал, продолжая рассуждать руками.

– Как же тогда понимать демократию? Насколько я знаю, она означает власть народа или большинства над меньшинством.

– Тебя этому когда-то в школе учили. А теперь жизнь научит, что все наоборот. У нас, в России, демократия – это ширма, которой прикрывается кучка людей, захватившая власть. А применительно ко всему миру эту ширму используют американцы, подчиняя своей воле другие страны и народы. Те страны, которые противятся насаждаемой им демократии, американцы просто уничтожают, как это сделали с помощью бомбежек с Югославией. При этом народам этих стран внушается мысль, что это делается в их же интересах. Даже анекдот такой об этом есть: «Не хотите нашу демократию? Тогда мы летим с бомбами к вам». К нам пока не летят только потому, что эта их политика нашла благодатную почву в лице самих наших руководителей.

Вошедший Коля положил на стол перед доктором несколько кассет.

– Здесь не только Кучин, а и Круг. Я вам еще привезу.

При прощании доктор сказал Мч, видя его неудовлетворенность разговором:

– Когда никогда, а это должно было произойти, дружок. Лучше бы, конечно, не так ужасно. Но это уже чисто русская специфика, которую хорошо выразил один из наших бывших горе – премьеров: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда». Тебе придется с этим смириться. Родину, как говорится, не выбирают. Я имею в виду нас, русских людей. Другим все равно, где жить, лишь бы хорошо платили. А у нас патриотизм в крови. За это нас не любят и ополчились против нас. Не сразу, но и ты свыкнешься с новой жизнью. Давай договоримся так. Загляни ко мне через недельку. Я попробую что-нибудь сделать для тебя. Главное, не унывай, ты молодой, еще можешь получить от жизни радость. Не лишай себя этой возможности.

Катя, почувствовав, что Мч расстроен, взяла его под руку и шепнула:

– После похорон я займусь поиском твоих родных. Я знаю, что такое их потерять, поэтому хорошо представляю, что значит их найти.

В дороге она и Коля, перебивая друг друга, рассказали, что доктор делал несколько попыток заставить Мч вспомнить хоть какие-то моменты жизни с детских лет до последней ночи. Но Мч все время слышал песни Кучина и ничего не помнил. Тогда доктор заставил его повторить бегло все, что было после того, как он очнулся в лесу: как разводил костер, как встретился с Федором Николаевичем, как пилил с ним дрова, как пил водку и проснулся с испуганным видом от выстрелов. Была повторена сцена посещения его Катей в камере и побег из милиции.

– Ты нас извини, – сказал Коля. – Это было нужно нам с Катюхой. Зато теперь мы верим тебе, как себе. Доктор тоже хотел знать о тебе правду. Как-никак, а тебя разыскивает милиция, и он преступил закон, принимая тебя. Но сейчас и он уверен в твоей невиновности и очень хочет тебе помочь.

***

Они отвезли Катю к ней домой, куда должны были приехать родители Павла, а сами отправились к Оле, Колиной невесте, но больше к ее бабушке, совсем недавно актрисе местного ныне закрытого драматического театра, чтобы с ее помощью изменить внешний вид Мч.

К доктору Мч ездил в кепке с длинным козырьком и в костюме Павла, который Коля отыскал в доме дяди. Люба его не успела переделать под мужа, а Мч он оказался почти в пору, только чуть коротковат.

Дом бабушки, мало отличавшийся от других старых частных домов Лесков, располагался недалеко от центра города.

Судя по небольшому Коле, Мч представлял Олю тоже некрупной и, разумеется, миловидной девушкой. Он полуошибся. Оля оказалась ростом с Дюймовочку и совершенно очаро-

вательной с синими глазами в пол-лица. Бабушка, Вероника Максимовна, была среднего для женщины роста, статная и очень подвижная. Для взрослой внучки она казалась молодой. Колю они встретили, как родного, и без слез не обошлось.

Минут двадцать Мч сидел один в гостиной, пока женщины расспрашивали Колю о подробностях случившегося, уведя в дальнюю спальню. Возможно, это он их увел туда сам, чтобы рассказать о Мч.

Скоротать время Мч помог телевизор. Последних известий не было ни на одном канале. Пропуская американские фильмы, к которым он испытывал патологическое отторжение, как ко всему американскому, а сейчас тем более, он к огромной радости неожиданно наткнулся на Николая Сличенко, исполнявшего есенинскую песню «Письмо к матери». Мч в какой раз попытался вспомнить свою мать, но перед глазами появлялись то Люба, то Вероника Максимовна. Он заслушался и задумался настолько, что не заметил, как они вошли в гостиную. Бабушка погладила рукой кудри Мч и проговорила ласково:

– А ну-ка изобрази своего старичка.

Мч успел увидеть распахнутые, как форточка, заинтересованные глаза Оли, поднялся и направился к двери. Там он глубоко вздохнул, втянул в опущенные плечи голову, слегка наклонив ее вперед, согнул спину и медленно повернулся. Прищуренным взглядом он отыскал бабушку и, шаркая ногами, подошел к ней. Оглядев ее с ног до головы, он прошамкал губами и проскрипел:

– Что-то я тебя, дочка, право слово, не припомню. Ты чьих будешь?

Коля гыкнул, Оля прыснула, а бабушка, смеясь, сказала:

– А что, право слово, совсем не дурно для девяностолетнего старичка. Только учти, такой ты должен рассыпаться от одного прикосновения. Тебя это устроит?

Вместо растерявшегося Мч ответил Коля:

– Мне такой, ёклмн, помощник не нужен.

Подтвердил это и сам Мч. Он тут же хотел изобразить старика помоложе, но бабушка, не мешкая, принялась за работу. В местном театре она была ведущей актрисой, получив в советское время звание заслуженной артистки РСФСР. После закрытия театра из-за невостребованности новым временем ей и другим патриотам удалось вынести из здания, отданного из-за неуплаты коммунальных услуг коммерческим структурам, театральные реквизиты, в том числе гримерную, и припрятать до лучших времен. Часть имущества хранилась дома у Вероники Максимовны. Каждая вещь была занесена в тетрадь. Пролистав сейчас ее, она попросила Колю и Мч достать с чердака две пронумерованные коробки с париками и принадлежностями мужского грима.

Довольно скоро Коля с Олей, вдоволь напримеряв на себя и Мч парики и усы, удалились, так как было уже поздно, а Мч остался с бабушкой. Он был рад поговорить с ней об изменениях в стране. Она его поправила: произошли не изменения в стране, а изменение страны. Во многом она повторила то, что он услышал от доктора. У нее, правда, никто из родных репрессирован не был, но и у нее были свои претензии к советской власти, которую она тоже не считала идеальной. Но то, что творилось сейчас, сказала она, не шло ни в какое сравнение с недостатками той жизни, многие из которых сейчас кажутся огромным преимуществом. Сейчас наперебой хают абсолютно все советское, в том числе искусство. Говорят, что была страшная цензура, но молчат о том, что направлена она была в основном против открытой антисоветчины, а главное, как выяснилось сейчас и что очень важно, она была против бездарности, пошлости, разврата, бескультурья, аморальности, бесчеловечности, против того, чем процветает искусство сегодня. Может быть, благодаря этому во все советские годы наблюдался невиданный расцвет театрального искусства. Зрители ломились в театры, стоя ночами за билетами. Каждый

новый спектакль был событием также и в жизни лесковцев. А что сейчас? С приходом к власти демократов в стране повсеместно была установлена жесточайшая цензура на народное искусство, классику, мораль и нравственность. Лесковскому драмтеатру запретили ставить Островского, Чехова, не говоря уже о советских авторах. А ставить западную пошлятину театр сам не захотел и был закрыт.

Свои слова Вероника Максимовна подтверждала показываемым по телевизору, где на всех каналах господствовала тема насилия и секса. Увидев, что Мч не знает, куда деть глаза, она заметила:

– Привыкай. Сейчас без этого не обходится ни один фильм. Это является обязательным атрибутом кино. Другие фильмы просто не показывают, считаются неполноценными. Это ли не цензура? Недавно я встретила своего старого знакомого писателя и спросила, пишет ли он сейчас. Сказал, пишет, потому что не писать не может. Но издательства не берут, ссылаясь на не тот жанр или, как сейчас говорят, «не формат». А у него все книги морально нравственной направленности. Одну, правда, брали, но велели ввести туда обязательно проститутку, несколько постельных сцен и минимум три убийства. Он отказался и продолжает писать в корзину.

Мч поинтересовался, чем живет сейчас местная интеллигенция.

– Ничем, как и остальные, только разве что быстрее вымирает от одиночества. Кто спивается, кто кончает жизнь самоубийством, а больше умирают как личности от невозможности реализовать себя, пообщаться. Раньше мы регулярно собирались в литературном кружке при нашем театре. К нам тянулись люди без высшего образования. Тогда оно считалось признаком ума и иметь его было престижно. У нас в студии были и из райкома, и директора, и из газеты, ну и, конечно, мы, артисты. Друг к другу нас тянула жажда общения. Мы обсуждали номера последних журналов, свои произведения, так как все писали. Как правило, у кого-то случался день рождения или был другой повод выпить. А выпив, обязательно пели. Что важно, не было ни склок, ни зависти, потому что все жили примерно одинаково, и делить было нечего. Разумеется, обсуждали и политику, больше критикуя, особенно Брежнева, и все ожидали чего-то лучшего. Идеализировали Запад из-за обилия там красивых товаров. Перестройку Горбачева поддержали единодушно, веря его словам о «человеческих ценностях» и улучшении социализма. О том, что он вел нас к капитализму, даже не догадывались. Постепенно собираться стали реже и говорили уже не о прекрасном и вечном, а как выжить, не умереть с голоду. Потом и совсем перестали собираться после того, как один из участников, кстати, самый из нас талантливый, при всех нас театрально пустил себе пулю в висок. А тут ещераспад страны и расстрел Белого дома, которые многих отправили на тот свет. Если в советское время нас еще кто-то замечал и прислушивался к нашему мнению и критике, хотя бы тем, что наказывали, то сегодня нас просто не замечают. Что мы есть, что нас нет. А есть лишь те, у кого деньги, будь они трижды прокляты, я имею в виду деньги. Они только калечат души людей.

В подтверждение этого бабушка привела пример со своими знакомыми в Москве, у которых иногда останавливалась, когда ездила раньше, как она выразилась, «культурно подзарядиться»: походить по театрам, музеям, пообщаться с интеллигентными людьми, какими, на ее взгляд, были эти ее знакомые еще со студенческих времен, старые интеллигенты. Он был логопедом, она – преподавателем вуза, сейчас частного. Раньше они помогали ей доставать дефицитные толстые журналы. Но вот уже лет десять, как она перестала ездить и не потому, что дорого, – всегда можно подыскать попутку, – а потому что нечем там подзаряжаться. Последний раз была в Москве два года назад, когда пыталась пристроить там Олю. Остановилась у этих самых знакомых. Ей показалось, что они ей не обрадовались. Вечером выпили чайку, без вина и еды, не как раньше. Разговор как-то не клеился, их ее жизнь не интересовала, и она мало расспрашивала. Перед сном они повели погулять собаку, которая с самого начала невзлюбила Веронику Максимовну и все время на нее рычала. Оставшись одна, она побро-

дила по огромной квартире толстостенного дома «сталинской застройки», полюбовалась новой мебелью и компьютером. На столе перед ним она обратила внимание на прозрачную папку с красивой компьютерной надписью «Жалоба». Заинтересованно прочла. Ее знакомые жаловались мэру Москвы, прокурору, префекту округа, начальнику отделения милиции и еще кому-то на соседей, выгуливавших под окном собаку, которая там гадила, противореча всем нормам поведения и экологии. Но не это было главным в жалобе. Эта злая, как тигр, собака, покусала их смирную собачку, на лечение которой было затрачено столько-то тысяч рублей и, бабушка запомнила, 89 копеек. Знакомые требовали принять меры, взыскать указанный выше материальный и материальный ущерб в сумме 50 тысяч рублей.

– Как тут не вспомнить Чехова? – спросила с горечью бабушка. – Та самая мещанская дореволюционная интеллигенция, которую он так обличал, вернулась сегодня опять к нам. Конечно, я теперь к этим моим знакомым не ездок. – Она помолчала, продолжая, судя по сосредоточенному устремленному вдаль взгляду, думать. – Происходит полная, духовная и физическая деградация нашей интеллигенции и ее исчезновение. В рейтингах профессий, популярных среди даже среднего поколения, не говоря про молодежь, сегодня в России интеллигентные профессии такие, как ученые, врачи, учителя, да и театральные артисты тоже твердо занимают последние места. Тебя, Оля мне сказала, наш Президент поразил. Не меньше поразит тебя наш министр культуры Швыдкой. И по лицу и по уму его не во всякий театр гардеробщиком бы взяли, а он нашу русскую культуру определяет, уничтожая ее.

Мч просидел с бабушкой до двух ночи. От нее он узнал, что ее дочь, Олина мама, во второй раз замужем за полутуркмена и живет в Ашхабаде. Там сейчас царь и бог Ниязов, бывший секретарь, который поставил перед русскими условие: или принимайте туркменское гражданство или покидайте республику. А дочь хочет, чтобы она и еще трое детей остались россиянами. У мужа, занимавшего высокий пост, начались из-за этого неприятности по работе. В центре Ашхабада у них четырехкомнатная квартира, продать которую власти не разрешают, а приехать без денег в Лески, где нет работы, в эту халупу без удобств тоже не подарок. А там по-прежнему бесплатные образование и медицина, о чем здесь давно забыли. Оля, к примеру, с детства хотела стать оформителем сцены или гримером, и бабушка в Москве тогда узнала, что для обучения этому искусству требовались такие деньги, которые им не снились. Спасибо Коле, помог заплатить за курсы косметолога. И тут бабушка выдала Мч свое самое заветное желание: чтобы они поженились. Оля и она уже не представляют свою жизнь без Коли. Он и крышу им накрыл, и антенну на много программ соорудил, и всю технику в доме чинит. Постигшее его горе они восприняли, как свое личное. Она и Оля весь день провели сегодня у его матери в больнице. Видно было, как она пыталась что-то спросить или сказать, а не могла. Даже врачам не может объяснить, что у нее болит. Да это их мало интересует, они уже говорили о выписке и без конца требуют деньги на лекарство. Если у Коли не хватит денег на то, чтобы подержать ее еще в больнице, то придется ее привезти сюда, больше некуда, так как Катя в любое время может родить.

Мч уснул, сидя в кресле. Вероника Максимовна уложила его на диван, а сама продолжала работать. Утром она подала ему три комплекта париков и бород, превращавших его в считанные минуты в старика, молодого человека с париком а-ля Кобзон и по настоянию Коли в стриженого громилу-охранника. Бабушка снабдила Мч дополнительным набором кремов, пудры, волосатых и голых липучек, менявших цвет и возраст лица, а также набором контактных линз.

Более всего изменяли лицо Мч парик и маска старика. Мч понравилось, что превращение его в старика происходило быстро и требовало мало дополнительного грима. Старик получился классный, еще не совсем старый и мог врезать так, что не встанешь. Чтобы не выдавали возраст стальные с голубизной глаза Мч, бабушка подобрала ему линзы размытого серого цвета.

Рано утром Коля съездил к Кате и привез еще два костюма Павла, который, как оказалось, был почти одинаковой с Мч комплекции, разве что чуть пополнее и пониже, и пару ботинок. Костюмы были почти новыми, но в умелых руках Вероники Максимовны один из них был превращен в изрядно поношенный. К тому же каким-то образом ей удалось вставить в спину пиджака старческую сутулость. В нем у Мч отпадала необходимость горбить спину, он лишь опускал голову.

Когда он предстал перед Колей и Олей стариком, они не смогли ни к чему придраться и почему-то окрестили его Иваном Спиридоновичем. Он не возразил.

Глава вторая. Двойник

По просьбе Мч Коля отвез его на кладбище, где показал вырытую двойную могилу, а сам уехал в морг, пообещав приехать за полчаса до похорон.

На Мч был седой нечесаный парик, непонятного цвета костюм был помят и в пятнах, ботинки были стоптаны. Небритое бородатое с темными кругами под глазами и бурым носом лицо не оставляло сомнений в том, что одинокий старик пришел на кладбище навестить могилу жены или родных, а заодно и подготовить себе место рядом с ними. Об этом говорили также прихваченные им с собой ведро с лопатой и то, что он подошел к заброшенной осевшей могиле без памятника, где, выкурив сигарету, приступил к работе.

Через какое-то время ему понадобился песок, и он отправился на его поиски. Проходя мимо свежевырытой могилы, он остановился возле нее и глянул вниз. Могила была квадратная. У него защемило сердце при воспоминании о Федоре Николаевиче и Любе.

Песок он отыскал у площадки для стоянки автобусов метрах в ста от свежевырытой могилы. Вернувшись к заброшенной могиле, он незаметно для себя увлекся ее облагораживанием, а, подустав, присел на скамейку у соседней ограды перекурить. Его взгляд скользнул и остановился на свежевырытой могиле. Рядом с ней он увидел человека, копавшего новую могилу, но на могильщика, с которым разговаривал Коля у входа, он не походил. На тех была одинаковая синяя роба, а этот был одет, и тут Мч чуть не вскрикнул от радости.

Он узнал своего двойника!

Ему потребовалось время, чтобы успокоиться и начать обдумывать, как взять убийцу. В том, что тот оказался именно здесь в день похорон вовсе не случайно, Мч ни секунды не сомневался, так как где-то читал, что убийца часто присутствует на похоронах своих жертв. И еще он был уверен, что здесь опять намечалась очередная для него подлянка.

Он взглянул на часы, которые ему дал Коля. До похорон оставалось около полутора часов и около часа до приезда Коли с Катиным пистолетом. А сейчас у него были лишь лопата и ведро.

Он взвесил на руке небольшую для неотложных нужд водителя лопату и с сожалением подумал о не взятых пистолетах милиционеров. Один из них сейчас мог оказаться у двойника. Коля был прав: они бы ему сейчас пригодились.

Воспоминание о Коле натолкнули Мч на мысль о возможном напарнике двойника, присутствие которого здесь на кладбище могло существенно усложнить захват убийцы, если не сделать его невозможным.

Он приподнялся и посмотрел вокруг. Возившуюся невдалеке у могилы женщину в расчет он не принял хотя бы потому, что она не могла быть серьезной помехой. Да и находилась она здесь еще до его прихода с Колей. А вот длинного сутулого мужика в кожаной куртке, стоявшего у памятника бандиту по кличке Бульба и периодически поглядывавшего в сторону двойника, не принимать в расчет было бы глупо.

Тем не менее, Мч решил действовать. Такой случай он не мог упустить. Он поднял ведро и покрепче ухватил лопату. Выпрямившись во весь рост, не забывая, однако, что он старик, он выбрался на дорогу и направился в сторону двойника. Он шел медленно, тяжело волоча ноги и не спуская исподлобья глаз с двойника. Тот был настолько увлечен работой, что не сразу услышал приближавшиеся шаги, дав Мч возможность рассмотреть, что он копал. Это как раз сильно озадачило Мч, сразу догадавшегося, что копает тот не могилу, а, если все-таки ее, то либо для урны, либо для маленького животного или птицы. Могилка, которую двойник уже

закопал и приглаживал на ней ладонью песок чуть ниже уровня земли, была почему-то круглой, диаметром не больше ведра.

Смутная догадка мелькнула в голове Мч. Он крепче сжал рукой черенок лопаты и ухватил ведро за край.

В этот момент двойник резко поднял голову и пристально уставился на уже почти поравнявшегося с ним старика. Одновременно его рука метнулась за спину под кофту и осталась там. Чуткое ухо Мч уловило щелчок взведенного курка, и он, до этого скрытно наблюдавший за двойником, безразлично взглянул на него и прошел мимо, волоча ноги и опираясь на лопату.

Подойдя к песку, он украдкой обернулся. Двойник все еще возился со странной могилой. А сутулый мужик стоял возле облюбованной Мч могилы.

Мелькнувшая у Мч догадка переросла в уверенность. Двойник упустил, что во время предстоявших похорон его могилку обязательно затоптали бы. Допустить это православный христианин никак не мог.

Или это была не могила. Мч почувствовал, как холодок пробежал по его спине.

Он понаблюдал, как двойник выпрямился и, повесив на плечо пустую спортивную сумку с торчавшей из нее саперной лопатой, стал быстро удаляться в сторону леса. Параллельно ему туда направился сутулый мужик. На какое-то мгновение у Мч мелькнула надежда, что сутулый мог быть работником милиции, наблюдавшим за преступником, но он ее тут же отбросил, вспомнив, как с ним обошлись милиционеры. На них он не надеялся.

Он поднял неполное ведро и все также по-стариковски пошел обратно.

Его ожидала новая неожиданность. Проходя мимо могилки двойника, он ее не увидел. Замедлив шаг, он с трудом разглядел еле заметную прикрытую травой круглую окантовку.

Теперь он уже не сомневался, какая это была могилка.

Не останавливаясь, он прошел мимо и увидел приближавшийся к нему милицейский «Уазик». Поравнявшись с Мч, машина остановилась, и из него выскочил рыжий Громов и знакомо проблеял:

– Дед, ты тут белобрысого кудрявого парня не видел?

Мч опустил на землю ведро, оперся на лопату и ответил скрипучим голосом:

– Видел. Ну и?

– Не нукай, я тебе не лошадь, а говори, где и когда?

– Да вон там. – Мч махнул рукой в сторону могилы лесника. – Минут десять назад.

– Что он там делал?

– Да стоял.

– А куда ушел?

– Это я не углядел. Мне моя могила важнее.

Громов матюгнулся и побежал к Уазику, остановившемуся напротив свежевырытой могилы. Из него вылез Мелешкин и направился к могиле. Мч, сцепив зубы, смотрел, как он наступил на могилку, и облегченно вздохнул, когда тот миновал ее и задержался у двойной могилы.

Уазик уехал так же быстро, как появился.

Подождав еще минут пять, Мч прихватил лопату и, низко пригнувшись, перебежками от ограды к ограде, добрался до загадочного захоронения. Там он лег на землю и осторожно снял круглый травяной покров.

Под небольшим слоем песка он сначала нащупал, а затем разгреб и разглядел похожую на крышку ведра мину. Омотрев ее, он удивился, как руки сами умело потянулись к подобию

ручки с намерением ее вывернуть, что он осторожно и проделал. Также, не долго раздумывая, он отсоединил провод и лишь после этого дал волю своему возмущению от увиденных колотых гвоздей и чугунных осколков. Сначала он хотел вынуть мину и припрятать ее в лесу, но решил сделать это позже, а здесь она еще может понадобиться. Он вынул взрыватель и, прикрыв, как ни в чем ни бывало, мину, вернулся к облюбованной им могиле. Там он присел на ту же скамейку и, как тогда во дворе лесника, попытался что-либо понять, вернее, свести уже имевшиеся концы в один узел. Ясно ему было одно: на него хотели повесить еще одно убийство. Одно такой осколочной миной? При ее разрыве от участников похорон и гробов с покойниками мало что осталось бы. У него опять похолодела спина.

Еще ему было ясно, что эта акция намечалась против определенного человека, в связи с чем поражала крайняя жестокость ее заказчиков. Погубить столько невинных людей из-за одного человека! Кто же это мог им быть из числа участников похорон?

Пока что он знал лишь Катю с Колей, доктора и Олю с бабушкой, но не думал, что вся эта затея была направлена против кого-нибудь из них.

Тогда против кого?

Пока же его успокаивала уверенность, что взрыва не будет, и никто не будет убит. Это уже было полдела.

Услышав голоса, он увидел приближавшегося Колю с двумя могильщиками и человеком богатырского роста в черном костюме. Могильщики и богатырь прошли мимо, а Коля подошел к Мч. Рассказ о двойнике и мине он выслушал, играя желваками.

– А сейчас-то кого они хотели убить? – спросил он. – Катюху? Меня?

Мч поинтересовался, кто будет с завода. На панихиде в морге было практически все его руководство во главе с директором Хохловым. Пришедший с Колей богатырь – его главный телохранитель по фамилии Кротов.

– Могли, еклмн, и на Хохлова зуб иметь, – продолжал рассуждать Коля – Насколько я знаю, никаких крыш у него нет.

– Крыш? Что ты имеешь в виду?

Пополнив свои знания новым понятием «бандитская крыша», Мч попросил Колю понаблюдать, кто и как будет себя вести во время похорон, а главное, не отойдет ли кто в сторону.

Озадаченный Коля ушел к могиле, а Мч перед появлением похоронной процессии отправился еще раз посмотреть, нет ли где двойника или сутулого мужика, которого так и прозвал про себя Сутулым. В том, что они не знают об обезвреживании им мины, он был уверен, иначе они бы его давно убили.

Еще его интересовало, как двойник выберет момент взрыва и где будет в это время находиться: поблизости, чтобы его видели, свалив опять на Мч, или получит сигнал от кого-либо из участников похорон.

Он обошел как можно дальше вокруг места захоронения, но ни двойника, ни Сутулого не заметил. Зато он встретил Мелешкина в гражданской одежде, прогуливавшего между могил. Мч так и подмывало подойти к нему и все рассказать. Но тот мог позеленеть от ярости и выхватить из-под куртки пистолет. Отбросив эту мысль, Мч стал ожидать похоронную процессию. Когда она показалась, он пошел ей навстречу.

Впереди процессии Оля несла фотографию Федора Николаевича и Любы. Молодые и красивые жених и невеста счастливо улыбались друг другу. Мч был не в силах смотреть на них и отвел взгляд.

Всего было три венка: от дочери, родных и близких и от трудового коллектива лесничества. Мч стало стыдно, что он не догадался нарвать лесных цветов. Если стану нормальным человеком, заимею деньги, обязательно принесу от себя на их могилу большой венок, оправдывался он. Но когда это будет? И будет ли?

Гробы везли рядом. Лица покойников были густо запудрены и трудно узнаваемы. Смерть их не украсила.

Не сразу узнал Мч и Катю. Вся в черном, она осунулась и побледнела. Ее бережно поддерживали под руки пожилые женщина и мужчина. Мч догадался, что это были родители Павла, так как других пожилых родных, кроме Колиной матери, у Кати не было. От Коли Мч узнал, что Федор Николаевич познакомился с Любой в детдоме. У него родители погибли во время войны, а Любина мать-одиночка умерла при родах. Сестру Федор Николаевич отыскал спустя много лет после войны.

Теперь и Катя осталась круглой сиротой, подумал Мч. Зато теперь вместо одного у нее будет два брата.

За Катей шла группа девушек, ее школьных подружек, за ними около десятка полтора разновозрастных мужчин в основном в темных костюмах, среди которых Мч узнал доктора. На фоне других он выглядел совсем стареньким. Замыкали процессию бедно одетые жители соседней деревни. Последним шел, заметно отстав и глядя по сторонам, молодой человек внушительного вида, очевидно, еще один чей-то телохранитель.

Мч не присоединился к процессии, а подошел поближе, когда она свернула к могиле. Его поразил правильный расчет двойника при закопке мины: при любом расположении катафалков провожавшие находились в эпицентре взрыва. Кто же среди них был такой, думал он, глядя на стоявших у гроба людей, ради смерти которого было наплевать на жизнь трех десятков других?

Не сдержав себя, он подошел к гробам и коснулся их рукой. Ему хотелось как-то утешить Катю, метавшуюся от одного гроба к другому, но он не решился, да она не узнала бы его, и он отошел подальше в сторону, чтобы понаблюдать за поведением участников похорон.

Когда к гробам подошел пожилой лысый мужчина и начал произносить речь по поручению коллектива лесничества, от толпы провожавших отделился сравнительно молодой, но представительного вида мужчина в черном костюме и, вынимая из кармана пиджака мобильный телефон, направился в глубь кладбища. Пройдя мимо Мч, он зашел за массивный памятник. Мч заметил, что Коля показал ему глазами на этого человека, и отступил к памятнику. Он напряг слух и услышал:

– Можно. Давай.

Невольно глянув в сторону леса, Мч увидел метрах в пятидесяти от могилы двойника с телефонной трубкой у уха. В другой руке он держал коробку, чуть больше спичечной, которая слегка подалась вниз. Это двойник нажал на кнопку дистанционного пульта взрывателя.

Мч быстро заглянул за памятник. Человек стоял, прислонившись к плите и втянув голову в плечи. Подойдя к нему, Мч приставил к горлу острие лопаты и проговорил старческим, но грозным голосом:

– Быстро говори, фашист проклятый, кого тут заказал?

От неожиданности человек растерялся настолько, что лишь заморгал глазами и стал открывать и закрывать беззвучно рот. Мч посильнее надавил лопатой и повторил еще грознее:

– Быстрее говори, кого? Ну? Горло перережу, фашист.

Очевидно, он надавил слишком сильно, отчего лицо человека налилось кровью, а глаза побелели и стали выкатываться. Мч ослабил нажим и настойчиво повторил:

– Кого, говори? Катю?

Он знал, что не Катю, и назвал ее лишь для того, чтобы, отрицая, человек заговорил. Так и случилось. Человек отчаянно закачал головой и что-то простонал. Мч с трудом разобрал:

– Н… нет… не ее. Вы что?

С другой стороны памятника появился Коля. Мч указал на него:

– Его?

Человек опять замахал головой и уставился с надеждой на Колю. Тот все понял и, нагнувшись к лицу человека, зашипел:

– Ах ты, гнида вонючая! Теперь мне, ебн, ясно, кто заказал Павла.

Коля, его не я, не я, Коль, – отчетливо проговорил человек оттого, что Мч отвел лопату.

– Тогда, кто? Говори, гнида, кто?

– Ты сам, Коль, знаешь, кто.

– Он сам тебе признался?

– Он, Коль, не дурак. О том, что это он заказал Павла, чтобы стать генеральным, все говорят. И Катя тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.